

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 947.066.22:304.3

**В. Я. МАУЛЬ
Ю. А. ОБУХОВА**

Филиал Тюменского государственного
нефтегазового университета
в г. Нижневартовске

НАРОДНЫЙ МОНАРХИЗМ И ПУГАЧЁВСКИЙ БУНТ (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРСКОГО РЕГИОНА)

В статье рассматриваются малоизученные аспекты истории Пугачевского бунта 1773–1775 годов в Сибири, связанные с реакцией местного населения на информацию о появлении самозваного «Петра III». Показано, как свойственный сибирским простолюдинам той эпохи народный монархизм детерминировал их поведенческие реакции в условиях нарастания народного движения в соседних с Сибирью регионах. Исследуются некоторые стороны участия жителей Сибири в самом бунте.

Ключевые слова: крестьянское движение, народный монархизм, самозванчество, Пугачёвский бунт, Сибирь.

В исторической науке уже давно отмечено, что знаковой чертой русского бунта является его тесная связь с народным монархизмом, основанным на идее «истинного» царя-батюшки [1, с. 21 – 22].

В одних случаях восставшие ограничивались вербальным монархизмом, провоцированием и бытованием слухов, например, о «милостивых» указах царя, которые якобы изданы в интересах народа, но утаиваются изменниками-боярами. Однако иногда вербальная форма протеста дополнялась появлением разного рода самозванцев. Чаще всего они не имели массовой поддержки. И лишь в исключительных случаях народные движения «от имени царя» свя-

зывались с широким развитием самозванческих интриг [2].

Можно сказать, что наличие множества самозванцев стало одной из наиболее характерных примет русской истории XVII – XVIII столетий. Такое количество претендовавших на престол лжецарей, как и само их появление на авансцене русской истории, не было, конечно, случайным. Вплоть до знаменитого разбойника Кудеяра — якобы царевича Юрия, сына Василия III и Соломонии Сабуровой — с данным феноменом русские люди могли быть знакомы только понаслышке. И лишь в XVII – XVIII веках, когда поколебалось относительное единство тра-

диционного сознания, и сформировались специфические установки восприятия царской власти, самозванцы «посыпались» словно из рога изобилия. Важнейшей причиной самозванческого «бума» можно считать затянувшийся по времени переход России к индустриальной цивилизации, провоцировавший кризис традиционной идентичности.

В условиях модернизации, выглядевшей как вестернизация, объективная реальность в ощущениях престололюдинов наполнялась тревогами, смутными ожиданиями конца света, поскольку новые формы поведения, пробивавшие себе дорогу под влиянием эрозии традиционного уклада, не вписывались в устоявшуюся «картину мира». Души простецов, преисполнявшиеся беспокойством, не могли найти знакомого ориентира. Рушились привычные стереотипы, исчезало чувство безопасности, возрастал «коллективный страх» и начинался поиск ответов на встававшие экзистенциальные вопросы. В этой системе представлений появление самозванца — «истинного» царя (царевича) — и доверие к нему были зримым осуждением социальными низами существующих порядков как неправильных и несправедливых.

Одним из ярких примеров массового народного движения в поддержку «истинного царя»-самозванца был, как известно, Пугачёвский бунт 1773–1775 гг., предводитель которого донской казак Е. И. Пугачёв принял на себя имя «чудом спасшегося» императора Петра III. Хорошо известна история возникновения и развития самозванческой интриги Е. И. Пугачёва среди яицких казаков. Не менее важным представляется рассмотрение и того значительного резонанса, который вызвало это имя в Сибири.

Отметим, что сюжеты, связанные с отражением Пугачёвского бунта в сознании жителей сибирского региона в историографии не нашли достаточно полного воплощения. Работы на данную тему сравнительно немногочисленны и в основном затрагивают историческую, а не социально-психологическую составляющую проблемы [3–5].

Необходимо восполнить эту не столько событийную, сколько теоретико-познавательную лакуну. Опыт подобного рода и предпринимается в нашей статье.

Известно, что в рамках традиционного общества едва ли не основным источником информации для большинства населения были слухи, которым вследствие этого невозможно было не верить. Сказанное тем более касается такого отдаленного региона, как-ким являлась, да и остается сегодня, Сибирь.

Слухи о том, что Петр III жив, давно уже будоражили народный покой, задолго до объявления на Яике Е. И. Пугачёва. Не были исключением и сибирские крестьяне, которые между собой нередко поговаривали о «спасшемся» государе, осуждали царицу-немку, упрекали власть за антинародную политику. Поэтому известие о начале Пугачёвского бунта, о появлении во главе протестующих долгожданного «царя-батюшки» в Сибири было встречено с удовлетворением. Разговоры об этом велись, например, в деревнях Шангазирской, Черной и Варюхиной, в селах Вознесенском и Чауском Острого. А также в деревнях Камышевой, Барабе, Каинском форпосте, Калмыкове, селе Семилужном, зимовье Халдеево, деревне Турунтаево и мн.др.

Выдавая желаемое за действительное, сибирский губернатор Д. И. Чичерин сообщал в столицу, что «по притчине находящихся в техъ деревняхъ между поселщиками такихъ, кои при кончине Петра третьяго при господахъ своихъ в Петербурге быть слу-

чились и погребение ево видели ... а особливо потому, што и разглашаютъ, сами будучи бунтовщики, яицкие бывшие злодеи, наказанные и ведущиеся на канате, — все генерально жители ни мало тому не верили и собратиию свою о кончине его величества уверяли, и почитаютъ то злодейское разглашение за самую ложь» [6, с. 100].

Выставляя заставы на дорогах, правительство пыталось предотвратить непосредственные контакты населения сибирских уездов с жителями, охваченных стихией бунта районов. Оренбургский генерал-губернатор И. А. Рейнсдорп беспокоился о том, чтобы в результате предпринятых мер «зло далее, внутр сибирскихъ границ, не ворвалось» [6, с. 259].

Однако власти были не в состоянии помешать распространению слухов о «царе-избавителе». Непосредственными их разносчиками были сосланные в Сибирь яицкие казаки — участники восстания 1772 г., которые повсеместно говорили о «возмутителе и злодее Пугачёве, яко-б он подлинно император Петр третий, и што будто бы ево команды разсыпались уж везде» [6, с. 99]. Даже сами представители сибирской администрации отписывали, что им известно о том, что «мятежники разглашали и уверяли, яко-б скоро будут возвращены обратно в их жилища, надеясь в том на злодея Пугачёва, коего называли императором Петром Третьим» [6, с. 100].

Отметим, что и сами повстанческие вожди стремились информировать население Сибири о бунте и привлечь его под свои знамена, «чтоб они, жители, его императорскому величеству службу свою оказывать могли всеусердную и верную ревность». С этой целью Пугачёв/Петр III, например, неоднократно призывал «Сибирской губернии по линии, и в крепостях и в протчих жительствох приложенной при сем указе его императорскаго величества манифест живущим во оных крепостях и слободах обывателем объявлять. А впредь для надлежащаго сведения, списывая во оных станицах с реченного манифеста точные копии, оставлять в каждом жительство ... за что его величество имеет их всемилостивейше жаловать» [7, с. 67].

Заслуживает внимания то обстоятельство, что известия об этом падали в Сибири на благодатную почву. Сибирский губернатор Д. И. Чичерин отмечал, что повстанческая агитация яицких колодников посеяла по дороге от Тобольска до Иркутска «вредные слухи» и «по тракту живущий народ поколебала». Слухи о Пугачёвщине, но, самое главное, о том, что бунтовщиками предводительствует «подлинный» император, стали катализатором вспыхнувших в Сибири народных восстаний в поддержку «Петра III». Упрочению веры в «истинного» государя способствовало и распространение информации о том, что «заводы, села, деревни и Сибирской губернии крепости, все по приклонению взяты, и артиллерия с казаками потому ж выбрана» [7, с. 247], «будто б Сибирскова губернатора Чичерина давно в Таболске нет», что он «схвачен, и, увезен куда, неизвестно» [6, с. 100–101].

Инициаторами протеста стали крестьяне Утяцкой, Курганской и Иковской слобод. В целом же движением были охвачены территории Ялуторовского дистрикта (здесь сложился огромный повстанческий район, население которого поголовно примкнуло к бунту), Краснослободский дистрикт, Тюменский, Туринский и Верхотурский уезды. Из среды повстанцев выделились собственные вожди: курганский священник Лаврентий Антонов, Яков Кудрявцев, крестьянин Игнатий Маурин, «злодей-подго-

ворщик» А. Тюленев, ставший видным Пугачёвцем Семен Новгородов, Ф. Завьялов и др. Сибирскими бунтовщиками были установлены связи с главными районами Пугачёвщины. Лидеры движения «Кудрявцов и Тюленев ... сказывали, что они из Оренбурга приехали, и о известном самозванце, уверяя, говорили» [6, с. 354].

В пожалованном ему чине хорунжего Я. Кудрявцев отправился в Утяцкую слободу с манифестом «для объявления крестьянству». После его агитации «многие слободы здались», охотно склонившись на сторону названного «государя». В Курганскую слободу был послан утяцкий крестьянин Петр Водеников, снабженный копией «императорского» манифеста. Посылка восставшими слободами своих людей в соседние населенные места — это явление, вообще характерное особенно для сибирских крестьян. Таким путем им удавалось расширять повстанческие связи. В результате курганские крестьяне также охотно согласились быть в подданстве у «Петра III» [3, с. 218].

Появление «царя-батюшки» порождало ожидание того, что справедливые порядки вскоре будут восстановлены, что «Петр III» «с их не будет брать семь лет подушных денег, вина казенного в продаже не будет, а курили б сами» [3, с. 226]. Правящая государственная власть превращалась в самозванку на троне. Поэтому ее манифесты и указы объявлялись подложными. Повстанцы читали распоряжения Екатерины II, но вместо того, чтобы повиноваться, «ответствовали только з бранью, что их манифесты правее» [8, с. 94]. В то же время указы повстанческого «Петра III» сибирские крестьяне, подобно тому, как это было, например, в слободе Чумайской, слушали, «стоя на коленях и подняв два перста» [9, с. 90].

Восставшие сибиряки дружно принимали присягу «императору», а тех, кто этого не желал делать, принуждали силой. Так, после взятия бунтовщиками Иковской слободы, пленных офицеров привели к присяге на верность «Петру III», а затем отправили в Оренбургский штаб. Особо же упорствующих сибирские повстанцы «кололи до смерти».

Немаловажной для местных крестьян была позиция священнослужителей по отношению к Пугачёву/Петру III. Как отмечалось в литературе, приходское духовенство отдаленных окраин страны во время бунта отличалось относительным конформизмом. Сельские священники нередко, «забыв совсем присягу и долг», с крестом и иконами торжественно встречали толпы бунтовщиков, возносили моления за «Петра III», читали его «манифесты» и т.п. В условиях безусловного господства в ту эпоху религиозного сознания подобные действия духовенства не могли не укреплять уверенность крестьян в «подлинности» названного государя. Эта вера была настолько прочной, что даже после казни самозваного «императора» социальные низы полагали, будто бы «избавителю» удалось избежать гибели, а в Москве казни какого-то казака Емельку Пугачёва.

Сказанное характерно для настроения жителей Сибири и после разгрома правительственными войсками Пугачёвского бунта. Например, в конце 1770-х годов «мещанин из г. Тюмени И. Соколов разглашал на Златоустовском заводе, что Петр III жив, ведет успешные бои с правительственными войсками». Убедительным свидетельством могут также служить возникшие в 1786 году в народе слухи о том, что император Петр Федорович жив и скрывается в Сибири, в Тобольской губернии. Командир

Сибирского корпуса генерал-майор Н. Г. Огарёв с тревогой отписывал в Санкт-Петербург: «В округах Тобольского наместничества — Ишимском, Ялуторовском и Куринском — появилось важное разглашение о бывшем императоре Петре III, будто он жив» [10, с. 183].

Длительность бытования подобных слухов и их популярность в среде простонародья свидетельствовали о том, что с подавлением Пугачёвщины царистская психология сибирских социальных низов, основанная на прочной культурной традиции и специфической интерпретации идеи «истинного царя», осталась непоколебимой, ибо сохранялись причины, будировавшие массовое недовольство и в столь отдаленном от обеих столиц регионе.

Являясь наиболее яркой проекцией народного монархизма, самозванчество аккумулировало в себе целый комплекс социокультурных стереотипов, ориентаций и установок, характерных для доиндустриальных цивилизаций. Посредством единства имени-образа Петра III, столь удачно воплощенного Е. И. Пугачёвым, происходило его закрепление в общественной культурно-языковой памяти русского народа, в том числе и на территории Сибири.

Библиографический список

1. Мауль, В. Я. Русский бунт как поиск традиционной идентичности (историографические и методологические заметки) / В. Я. Мауль // Клио. [СПб.]. — 2005. — № 1(28). — С. 17–25.
2. Мауль, В. Я. Самозванные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до Пугачёвского восстания) / В. Я. Мауль // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной информации. Январь 2005. № 40. Социокультурные аспекты изучения русского бунта. — Томск, 2005. — С. 5–43.
3. Андрущенко, А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири / А. И. Андрущенко. — М.: Наука, 1969. — 360 с.
4. Дмитриев-Мамонов, А. И. Пугачёвский бунт в Зауралье и Сибири: исторический очерк по официальным документам / А. И. Дмитриев-Мамонов. — СПб.: Типография Монтвида, 1907. — 258 с.
5. Кондрашенков, А. А. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке / А. А. Кондрашенков. — Курган: Изд-во газеты «Советское Зауралье», 1962. — 177 с.
6. Пугачёвщина. В 2 т. Т. 2. Из следственных материалов и официальной переписки. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. — 496 с.
7. Документы Ставки Е. И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. — М.: Наука, 1975. — 524 с.
8. Овчинников, Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачёва (Источниковедческое исследование) / Р. В. Овчинников. — М.: Наука, 1980. — 280 с.
9. Зольникова, Н. Д. Духовенство Тобольской епархии и прихожане во время Крестьянской войны 1773–1775 гг. / Н. Д. Зольникова // Русское общество и литература позднего феодализма. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. — С. 104–118.
10. Побережников, И. В. Зауральский самозванец / И. В. Побережников // Вопросы истории. — 1986. — № 11. — С. 182–185.

МАУЛЬ Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и экономических дисциплин.

ОБУХОВА Юлия Александровна, ассистент кафедры гуманитарных и экономических дисциплин. Адрес для переписки: anm-666@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.11.2012 г.

© В. Я. Мауль, Ю. А. Обухова

ПРОБЛЕМЫ БЛОКИРОВАНИЯ КПРФ И АПР В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ГРУПП ВЛИЯНИЯ. 1996—АВГУСТ 1999 гг. ИЗ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Исследование посвящено проблемам борьбы за сельский электорат. На основе материалов Алтайской школы политических исследований, материалах московских аналитических центров, документах КПРФ и АПР, хранящихся в архивах региона, опираясь на разработки омских и новосибирских ученых, автор проводит анализ деятельности аграрной номенклатуры, совершившей в конце 90-х гг. переход с левого на правый политический фланг. Работа содержит характеристики западносибирских организаций АПР и КПРФ, их взаимоотношения с органами региональной власти.

Ключевые слова: аграрная номенклатура, газета «Красный Путь», В. Дорохин, блок «За подлинное народовластие», АПР, НПСР.

Наиболее крупной и влиятельной политической силой в западносибирских регионах в 1996—1999 гг. оставались региональные организации КПРФ. Так, пятитысячная омская организация располагала газетой «Красный Путь» (тираж 40 тыс. экз., в ходе избирательной кампании тираж увеличивался до 100—150 тыс. экз.), также на базе типографии ООО «Литограф» в указанные годы печатался выпуск регионального издания «Правда России». К 1999 г. при поддержке В. Н. Дорохина коммунисты предприняли попытку издания газеты «МИГ» (Молодежная информационная газета) [1, с. 37—40].

На выборах органов местной законодательной власти в марте 1998 г. КПРФ выдвинула кандидатами в ЗСО — 25, в Горсовет г. Омска — 17 кандидатов, обеспечив в ходе выборов победу соответственно — 10 и 10 представителям партии [2].

Депутатской группой КПРФ в ЗСО была предложена программа антикризисных мер, включающая в себя требования:

- деприватизации ОНПЗ и других объектов нефтеперерабатывающего комплекса на территории Омской области;
- введение государственного контроля за разработкой цирконо-ванадиевых руд на территории Тарского и других районов;
- проверка законности приватизации и акционирования элеваторов и мясокомбинатов на территории области;
- борьба с коррупцией в административных структурах, отчет всех высокопоставленных чиновников городской и областной администраций;
- контроль со стороны ЗСО за кадровой политикой в рамках субъекта [3].

Алтайская краевая организация КПРФ на региональном уровне объединяла 4700 членов партии,

являющихся ядром движения «За подлинное народовластие, гражданский мир и интересы труда» (далее «За подлинное народовластие»), с общей численностью участников 12—15 тыс. человек. Движение и входившие в него организации в исследуемый период выпускали газету «Голос труда» (8 тыс. экз., в ходе избирательной кампании тираж увеличивался до 150 тысяч экз.) [4].

В краевом совете из 50 депутатов 27 были избраны от движения «За подлинное народовластие», 17 из них являлись членами КПРФ. В 39 городах и районах края главами администраций являлись представители указанного движения, 16 из них были членами КПРФ. Заметно было в исследуемый период влияние левых в самой массовой газете края «Алтайская правда», а также на краевом радио, телевидении и в ряде частных телекомпаний [5, с. 95].

При этом нельзя не отметить и тот факт, что руководство Алтайского края в названные годы декларировало свою приверженность лево-патриотической ориентации, что давало возможность считать регион частью «красного пояса» не только по результатам предыдущих выборов регионального уровня [6].

1. Другой организацией КПРФ, тесно сотрудничавшей с региональной властью, был Кемеровский обком КПРФ. Уже в декабре 1996 г. шеститысячная организация области сформировала два избирательных блока «Народовластие — блок А. М. Тулеева» и «Трудовой Новокузнецк». Первый блок провел в депутаты местного законодательного органа 18 из 21 выдвинутого кандидата, сделав Кемеровский Совет оппозиционным администрации области. В октябре 1997 г. КПРФ в ходе выборов губернатора поддержала ранее назначенного на эту должность Указом Президента РФ Б. Н. Ельцина А. М. Тулеева. Именно КПРФ выдвинула «кандидатом-дублиером»

члена партии Н. А. Останину, тем самым дезавуировав попытки срыва выборов. Результат выборов был предсказуемым, но и неожиданным, А. М. Тулеев набрал 94,54 % голосов избирателей [7]. Что касается КПРФ, то применительно к Кемеровской области, как, впрочем, и Алтайскому краю, она стала региональной «партией власти» со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями [8, с. 38].

Новосибирская организация КПРФ на начало исследуемого периода составляла 4202 человека. В декабре 1995 г. она поддержала выдвижение на пост губернатора В. П. Муху, однако каких-либо дивидендов от этого не получила. Выборы депутатов новосибирского городского совета, депутатов территориальных советов в Новосибирске и сельских районах, а также выборы глав муниципальных образований в сентябре 1996 г. принесли КПРФ определенный успех. Из 1018 депутатов районных советов 140 являлись членами КПРФ, а вместе со сторонниками по НПСР число левых в советах данного уровня достигло 378 человек (37 %). В районных центрах (городских и поселковых) из 457 депутатов — 85 были членами партии, вместе со сторонниками — 174 (38 %). Из 30 председателей райсоветов — 8 являлись членами КПРФ, 2 — сторонниками, а из 5 избранных председателей советов в городе областного значения, членами КПРФ являлись трое [9].

В течение 1997 г. численный состав новосибирской организации увеличился почти на 1000 человек. Декабрьские выборы в Новосибирский областной совет позволил КПРФ провести в региональный законодательный орган 17 из 32 выдвинутых кандидатов (вместе с АПР — 20), в результате Новосибирская область оказалась на 4-м месте по числу депутатов-коммунистов, представленных в законодательном органе региона [10].

Томская организация КПРФ по различным данным насчитывала 1500 — 2000 членов и являлась одной из самых слабых в западносибирском регионе. На декабрьских выборах 1997 г. коммунистам удалось провести в областную думу только двоих их 27 выдвинутых кандидатов [11].

В целом, характеризуя состояние западносибирских организаций КПРФ в период с прошедших в 1995 — 1996 гг. выборов федерального уровня до середины 1998 года, можно констатировать их организационное укрепление и количественный рост. Так, в период между 1995-м и 1997-м гг. количество первичных организаций партии выросло: в Алтайском крае с 124 до 356, в Кемеровской области с 209 до 281, в Новосибирской области с 301 до 342, в Омской области с 74 до 205, в Томской области с 61 до 64 [12, с. 123].

В указанный период надежным союзником КПРФ на федеральном уровне была АПР. В регионах указанный союз выглядел несколько иначе и различался в зависимости от внутрирегиональной ситуации. В Алтайском крае АПР во главе со своим неформальным лидером, председателем краевого законодательного органа А. Г. Назарчуком являлась одной из основных сил НПСР. Она насчитывала 2310 членов, состоящих на учете в 60 местных организациях. Имея поддержку выдвиженца НПСР губернатора края А. А. Сурикова, партия использовала массовую краевую газету «Аграрник Алтай». Контакты с представителями обеих ветвей власти, союзные отношения с КПРФ позволяли НПСР создать резервы для выпуска агитационных материалов: листовок, газет, пресс-бюллетеней — разовым тиражом более 1 млн экз. [13]. При этом открытым остается вопрос «какое

из региональных отделений КПРФ или АПР доминировало в краевом НПСР?»

В Кемеровской области аграрии поддерживали А. М. Тулеева, как следствие, находясь в фарватере ее политической деятельности, связанной в указанные годы с КПРФ и НПСР. В начале 1997 г. в Кузбассе создается Аграрный союз Кемеровской области, ее председателем избирается директор птицеводческого совхоза «Колмогоровский» В. Т. Дикун. Однако свою роль новая организация видит в защите экономических интересов сельскохозяйственных товаропроизводителей [14, с. 4].

Прямо противоположное отношение КПРФ и АПР имели место в Омской области, где аграрная группа была зарегистрирована в ЗСОО первого созыва, действующего вплоть до марта 1998 г. Однако депутатский корпус, на 60 % состоящий из глав сельских районов, председателей АО и директоров предприятий, занятых переработкой продукции сельскохозяйственного сектора, оказался сориентированным на губернатора Л. К. Полежаева, который политически эволюционировал в указанные годы от сторонника ПКЕР (Партия кооперативного единства России) к НДР. Номинально в регионе издавалась газета «Крестьянское слово», однако она являлась органом Управления сельского хозяйства области. Впрочем, омских аграриев указанные обстоятельства не смущали, и в одном из своих заявлений они обозначили главу области не больше не меньше как претендентом на пост президента страны. Численность омских членов АПР в 1996 — 1998 гг. колебалась от 200 до 500 человек [15, с. 28].

Новосибирская областная организация АПР поддерживала связи с Алтаем, выпуская в Барнауле на паритетных началах с аграриями края газету «Земля Сибирская». В отличие от Алтайской краевой организации, Новосибирская областная организация АПР к региональной «партии власти» не относилась. Не поддерживая областную власть, сориентированную на федеральный центр, новосибирские аграрии, работая в коалиции с КПРФ, участвовали в выборах депутатов областного совета в рамках блока «Победа», поставив своей целью создание многочисленной фракции народно-патриотических сил. Из четырех выдвинутых кандидатов в совет прошли три агрария [16, с. 20].

В Томской области отделение АПР какой-либо реальной политической силы не представляло.

В целом характеризуя союз региональных организаций АПР с КПРФ нельзя не отметить его непрочность. Являясь следствием политического блока, имевшего место на федеральном уровне, он реально существовал на местах только вследствие недовольства аграрной номенклатуры реформами, проводимыми российским правительством (Алтайский край, Кемеровская область), или в связи с безразличием указанной номенклатуры к фактам использования левой оппозицией данного политического «лейбла» (Новосибирская, Томская области). При этом в Омской области ситуация имела парадоксальный характер: КПРФ и АПР являлись политическими союзниками на выборах федерального уровня и противниками в политической жизни региона. Как следствие, союз КПРФ и АПР не мог существовать продолжительное время.

Библиографический список

1. Новиков, С. В. Общественно-политические силы на территории Омского региона накануне и в период выборов 1999 г. / С. В. Новиков. — М. : Логос ВОЗ, 1999. — 63 с.

2. ГИАОО. (гос. ист. арх. Ом. обл.). Ф. 9618. Оп. 1. Д. 313. Л. 1, 2, 3.
3. ГИАОО. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 290. Л. 1–5.
4. Шейда, Г. П. Общественно-политические объединения Алтайского края и подготовка к выборам президента в 2000 году / Г. П. Шейда // Дневник Алтайской школы политических исследований. — Барнаул : Алтайский госуниверситет, 1998. — № 6. — С. 196–201.
5. Новиков, С. В. Социально-политическая система региона. Западная Сибирь : документальное пособие / С. В. Новиков. — Омск : ОмГАУ, 2002. — 149 с.
6. Кашкин, А. В. Формирование органов исполнительной власти: общее и частное. На материалах Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской областей и Алтайского края. 1993–2000 гг. / А. В. Кашкин // История, источниковедение и историография общественно-политической жизни Сибири новейшего времени : сб. ст. конф. 21 декабря 2008 г. Вып. II. — Новосибирск : Сибирская академия политических наук, 2008. — С. 12–66.
7. Степанов, В. Е. Региональные организации «партии власти» в Западной Сибири в электоральных циклах 90-х гг. XX века : автореф. дис. ...канд. ист. наук / В. Е. Степанов. — Омск, 2008. — 18 с.
8. Власть, общество, выборы. Политическое развитие Новосибирской области в 2000–2003 гг. / В. Козодой [и др.]. — Новосибирск, 2005. — 544 с.
9. ГАНО. Ф. 11976. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.
10. Рухлядьев, В. Томская область в марте 1999 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1999/0399/70.html (дата обращения: 12.05.2011).
11. Козлов, И. Г. Становление политических организаций левой ориентации в Западной Сибири. 1991–1999 гг. : дис. ... канд. ист. наук / И. Г. Козлов. — Новосибирск, 2005. — 217 с.
12. Новиков, В. С. Региональные отделения политических партий и печатные СМИ в процессе формирования предпочтений избирателя. 1992–2000 гг. На материалах Западной Сибири : моногр. / В. С. Новиков, С. В. Новиков ; под ред. В. Н. Худякова. — Омск : ИПК Макшеевой Е. А., 2011. — 200 с.
13. Наша газета. — 1997. — 31 января.
14. Политическое пространство Омской области. Информационный бюллетень. — Омск, 2003. — 68 с.
15. Новосибирск политический : справ. / Авт. кол. под рук. В. И. Козодоя. — Новосибирск : Новосибирский полиграфкомбинат, 2001. — 232 с.
16. Асеев, С. Ю. Региональные отделения политических партий в Алтайском крае: справочник / С. Ю. Асеев, Е. В. Притчина, Я. Ю. Шашкова. — Барнаул : АзБука, 2005. — 81 с.

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой истории и социально-педагогических дисциплин.

Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 03.09.2012 г.

© С. В. Новиков

УДК 947:353(571.1)

В. В. ГЕРМИЗЕЕВА

Омский государственный
технический университет

ОТРАЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГУБЕРНАТОРОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ВОПРОСЫ»

В статье обращено внимание на освещение деятельности губернаторов Западной Сибири в начале XX века в журнале «Сибирские вопросы». Это было издание преимущественно обличительного направления, в котором вскрывались недостатки сибирской жизни, в том числе и проблемы местного управления.

Ключевые слова: местное управление, губернатор, Западная Сибирь.

Журнал «Сибирские вопросы» издавался на средства В. П. Сукачёва в Санкт-Петербурге в 1905–1913 гг. В нем печатались статьи по экономике, истории, географии Сибири, освещались события местной жизни и пр. В предисловии к первому номеру отмечалось: «В настоящее время стало ясно, что злоупотребления отдельных представителей администрации, будь то становой пристав или губернатор, должны рассматриваться лишь как факты, иллюстрирующие негодность всей системы. Если эти злоупотребления имеют только личный, индивидуальный характер, то они представляют лишь местный ограниченный интерес; если же они являются симп-

томатическими признаками общего разложения системы, то их можно демонстрировать только как иллюстрации этого в издании, имеющем характер обобщающий, каковым должны быть «Сибирские вопросы» [1]. Это было издание преимущественно обличительного направления, в котором вскрывались недостатки сибирской жизни, в том числе и существующие проблемы местного управления.

На страницах журнала «Сибирские вопросы» не раз отмечалось, что сибирские губернаторы в большинстве случаев недостаточно разбирались в особенностях края, так как до назначения имели о нем довольно слабое представление. Многие из них смот-

рели на свою службу в регионе, как на переходную ступень, стремясь как можно скорее вернуться за Урал. В качестве иллюстрации такого положения дел в одном из номеров был приведен случай в сибирском скором поезде, когда один из пассажиров, впоследствии оказавшийся новым томским губернатором, «с необычайным апломбом говорил о современном состоянии Сибири, о перспективах ближайшего и отдаленного будущего». Когда же ему доказали, что приводимые факты не соответствовали действительности, он признался, что в Сибири никогда не был и все сведения о ней почерпнул из брошюры, написанной 10–15 лет назад, находясь уже в вагоне сибирского экспресса [2, с. 50].

Частая смена должностных лиц всех уровней власти была серьезной проблемой для Западной Сибири. Только за первые пять лет XX века на посту губернатора в Томской губернии сменилось четыре человека: А. А. Ломачевский, кн. Вяземский, Старынкевич и В. Н. Азанчеев-Азанчевский. Три последних управляли губернией в среднем чуть больше года. За период 1905–1917 гг. средний срок нахождения губернаторов на посту увеличился до 2,5–3 лет. Тем не менее за это время обстоятельно познакомиться с особенностями местной жизни было практически невозможно. Из всех лиц, занимавших губернаторские должности в исследуемый период, только Н. А. Гондатти и П. К. Гран до назначения в Томскую губернию служили в Сибири. В одном из номеров «Сибирских вопросов» за 1911 г. эти проблемы стали предметом для серьезного размышления о качественном составе губернаторов: «Управление Томской губернией — дело весьма сложное и трудное, тут и переселенческий вопрос, и инородческий, и землеустроительный, и университетский, и др. Губернатору приходится более или менее близко касаться всех этих больших вопросов. Даже с точки зрения собственного самолюбия, для того, чтобы не обнаружить вопиющего невежества, губернатору следовало бы знать особенности местной жизни, местные нужды, потребности. Знает ли? Сомнительно». Возможное решение проблемы связывалось в публикации с введением земских учреждений: «Нужно скорейшее введение земства в Сибири. Конечно, губернаторы останутся и при земстве <...>. Но все-таки удовлетворение насущных местных нужд будет находиться в руках местных людей, знающих местную жизнь и заинтересованных в надлежащем удовлетворении ее потребностей» [2, с. 50–51].

За время, когда вся Сибирь находилась «под гнетом исключительных положений», введенных в связи с революционными событиями 1905–1907 гг., «отрицательные качества сибирской администрации заметно усилились, так как их стал гораздо меньше останавливать контроль местного общественного мнения и как бы даже поощрила возросшая безнаказанность, которая столь естественно порождает в человеке чувство безответственности» [3, с. 3]. Например, многие отмечали репрессивные склонности и полное несоответствие для роли администратора томского губернатора К. С. Нолькена. Он был назначен и.д. томского губернатора в ноябре 1905 г., а в январе 1906 г. — временным генерал-губернатором и начальником гарнизона г. Томска вплоть до замены военного положения чрезвычайной охраной. Барон Нолькен проводил политику, направленную на подавление любого общественного движения. При нем запрету подлежали не только политические, но и культурно-просветительские организации [4, с. 423]. В одном из номеров за 1908 г. отмечалось,

что «барон Нолькен при покорении Томска разрушил два культурных очага города: бесплатную библиотеку и воскресную школу» [5, с. 52]. После его перемещения на пост могилевского губернатора, многие выражали надежду на то, что для губернии наступят лучшие времена. «Сибирские вопросы» назвали эту перемену в руководстве губернией «крупным местным событием» последних месяцев 1908 г. [6, с. 18]. С приездом нового губернатора положение в губернии немного стабилизировалось: «после чересчур мрачных времен губернаторства бывшего полицмейстера барона Нолькена наступила некоторая перемена к лучшему, когда губернатором был назначен Н. А. Гондатти, придерживающийся умеренных взглядов; чрезвычайная охрана заменена усиленной» [7, с. 28].

В Тобольской губернии после ухода в 1905 г. А. П. Лапшо-Старженецкого власть губернатора, а позднее и временное исполнение обязанностей генерал-губернатора перешли к вице-губернатору А. Н. Тройницкому, который для оправдания необходимости введения военного положения принял за очистку губернии от «неблагонадежных» элементов [8, с. 89]. Даже спустя несколько лет в «Сибирских вопросах» вспоминали о его «активной» деятельности: «Исполняя временно должность генерал-губернатора, Тройницкий закрыл «Сибирский листок» без всяких оснований, наложил строгую цензуру на печатающиеся в типографиях объявления <...>, запретил собрания и вполне благонадежные митинги смиренных тоболяков. С приездом нового губернатора Гондатти он практически сошел со сцены и командовал только в губернском управлении, известие же о переводе А. Н. Тройницкого в Семипалатинск «встречено было тоболяками с нескрываемой радостью» [9, с. 24].

На страницах журнала неоднократно указывалось на отсутствие веских оснований для введения военного положения в западносибирских губерниях: «В Томске не было и такого, чисто внешнего и случайного мотива; беспорядки, окончившиеся пожаром железнодорожного управления и гибелью многих людей, произошли от бездействия высшей местной власти, как, очевидно, на это взглянуло и центральное правительство, уволившее губернатора Азанчеева-Азанчевского. Что касается Тобольской губернии и обеих степных областей, то не было никакой даже только кажущейся и случайной причины для введения в них исключительного положения» [10, с. 2].

Личные качества губернаторов часто оказывали влияние на состояние дел на верной им территории. Так, например, относительное спокойствие в Тобольской губернии в 1906–1908 гг. связывали с губернаторством с Н. Л. Гондатти, при котором она являлась одной из благополучных в Российской империи. В отличие от многих других начальников губерний, он стремился избежать массовых репрессий в революционные годы, не отходя при этом от законодательной основы правящего центра [4, с. 422]. Газета «Сибирская жизнь» характеризовала его как умного, образованного и тактичного человека, который за время пребывания на посту тобольского губернатора всегда помогал людям, обращавшимся к нему по личным вопросам, «в пределах, доступных современному администратору» [11].

В Томской губернии о Н. Л. Гондатти также остались хорошие воспоминания. Он оказал помощь в получении займа на школьное строительство, в учреждении Сибирских высших женских курсов. В знак своих заслуг он был удостоен звания почет-

ного гражданина г. Томска [12, с. 37]. «Сибирские вопросы» так характеризовали его деятельность: «Были разные губернаторы. Несомненно, что некоторые знакомы были с Сибирью по прежней службе, проникнуты были желанием ознакомиться с Томской губернией и желание это привели в исполнение <...> таков <...> и Гондатти» [13, с. 73]. В 1910 г. он был назначен начальником межведомственной Амурской экспедиции и временно управлять губернией было поручено министру внутренних дел Е. Е. Извекову, прибывшему в Томск в апреле [14]. Вскоре Н. Л. Гондатти получил назначение на пост генерал-губернатора Приамурского края.

С иронией писали в журнале, что томский губернатор П. К. Гран, находившийся во главе края в 1912–1913 гг., много ездит по губернии, которая так велика, что «прежде чем Гран закончит такое развездное знакомство, он, несомненно, будет переведен в другую губернию» [15, с. 67]. Деятельность этого губернатора по «усмирению» и наведению порядка в Томской губернии неоднократно была в центре внимания «Сибирских вопросов»: «Если вы заглянете в летописи работ губернской администрации за эти годы, то найдете непрерывные кары, штрафы <...>. Приехал, наконец, Гран. Думалось, что человек отдохнет после тяжелых трудов, понесенных им вкупе с иркутской полицией по водворению порядка в той губернии. (На всякий случай помощников своих он перевел с собою.) И что же? Положение губернии оказалось совсем печальное. Оказалось, что нужны не штрафы уже, а эскадроны <...>. Губерния — накануне восстания» [16, с. 42].

Частая смена губернаторов приводила к отсутствию единой политики в управлении. А ведь начальникам губерний приходилось решать очень серьезные вопросы, связанные с переселением, землеустройством, положением инородцев. Так, отмечалось, что назначенный в октябре 1908 г. тобольским губернатором Д. Ф. Гагман считал своего предшественника «либералом», поэтому начал свою деятельность с «заполнения крупного пробела», связанного с отсутствием в маленьких уездных городах Тобольской губернии «охранок» [17, с. 41].

На страницах журнала в протяжении 1909–1912 гг. печаталось много критических статей относительно деятельности Д. Ф. Гагмана: «разве может такой немощный совершить какой-нибудь энергичный шаг самостоятельно? Он в губернское управление никогда не ездит, доклады и просьбы может выслушивать только до завтрака <...>. Все, что делается кругом его, это — дело рук его близких и приближенных» [18, с. 24]. Одной из главных задач этого губернатора была забота о развитии сельского хозяйства, промышленности. Но текущие обязанности его тяготили, поэтому он предпочитал исполнять указания центральной власти и не стремился к принятию самостоятельных решений [4, с. 431].

В журнале неоднократно указывалось, что часто губернаторы не стремились вникнуть в проблемы края, решая многие вопросы из своего кабинета, а в случае необходимости покинуть его пределы, без должной ответственности относились к своим обязанностям. В качестве примера подобного отношения, получившего отражение в печати, можно привести описание поездки Д. Ф. Гагмана для ревизии учреждений г. Туринска: «Насколько обзор и ревизия были всесторонни и основательны, можно заключить из того, что меньше чем в сутки были «обревисованы» и осмотрены все туринские учреждения» [19, с. 35].

Авторы статей в журнале «Сибирские вопросы» обращали внимание на тяготение Д. Ф. Гагмана к могилевским чиновникам. При этом отмечалось, что трудно предположить какими мотивами руководствовался начальник губернии, когда «при наличности в Тобольске достаточного контингента лиц с образованием, людей, практически знакомых с тем или другим делом, выписка чиновников из России практикуется в самых широких размерах, и местные чиновники устраняются самым бесцеремонным образом». Например, был отставлен от должности младший чиновник особых поручений, бывший делопроизводитель губернского управления, окончивший учительскую семинарию, Демидов. Последнему ничего не оставалось делать, как, распродав свое имущество, перейти на службу в Томскую губернию. На его место был выписан помощник делопроизводителя могилевского губернского правления М. И. Финк. Согласно формулярному списку, он получил воспитание в Тамбовской губернской гимназии, но, не окончив полного курса, выбыл из второго класса. Занимал должность канцелярского служителя в управлении тамбовского почтово-телеграфного округа, затем находился в отставке. Приказом могилевского губернатора от 4 ноября 1908 г. определен на государственную службу с назначением на должность помощника делопроизводителя могилевского губернского правления, откуда и был переведен в Тобольскую губернию [20]. В журнале «Сибирские вопросы» впоследствии отмечалось, что М. И. Финк не смог сдать экзамен на классный чин, после чего «заболел» и даже получил отпуск с сохранением жалованья [18, с. 25].

Также на должность старшего чиновника особых поручений, вместо Козлова, вынужденного оставить службу, был назначен выписанный из Могилева, где состоял 15 лет становым приставом, Пяньковский-Войнилович, получивший вместо образования лишь первый классный чин. Бывший писец могилевского отделения государственного банка Мевлачков совершенно незнакомый с канцелярским делом был назначен на должность помощника делопроизводителя. Отмечалось, что, кроме содержания, такие «верные слуги» губернатора получали разные пособия. Так, Финк, после 2-х недель службы получил пособие к Пасхе в размере 75 руб., а чиновник Пяньковский-Войнилович получил из типографских сумм 400 рублей [21, с. 33].

В то же время местные чиновники на свои просьбы о пособиях получали отказ. Их положение усугублялось постоянной неуверенностью в завтрашнем дне — «вдруг губернатору придет фантазия выписать еще чиновника из милого его сердцу Могилева, и для него понадобится освободить место». В Тобольске даже пошел слух, что на «пристрастие» губернатора к могилевским чиновникам обратили внимание в Петербурге, откуда якобы пришел совет обходиться местными силами по причине сбережения казенных средств [22, с. 22]. Так, по данным, приводимым в «Сибирских вопросах», перевод одних чиновников полиции из Могилева обошелся казне свыше 12 тысяч рублей [23, с. 90].

Публикация материала о том, что пристрастие Д. Ф. Гагмана к могилевским чиновникам связано с торговлей должностями, произвела переполох среди государственных служащих губернии. Как отмечалось в журнале, по странному стечению обстоятельств, вскоре после этого губернатором было сделано распоряжение о лишении всех служащих в губернском управлении традиционных наградных

к Рождеству, которые были отпущены лишь после настойчивых просьб вице-губернатора Н. И. Гаврилова и с сокращением для тех, кто был заподозрен в выдаче «государственных тайн». Редактор «Сибирских вопросов» А. И. Иванчин-Писарев был обвинен в том, что публикация о торговле должностями основана на вымышленном материале. Но суд, состоявшийся в Санкт-Петербургском окружном суде, вынес оправдательный приговор [24, с. 77]. После ревизии Тобольского губернского управления губернатор ушел в отставку в феврале 1912 г. Позднее в журнале отмечали, что, не смотря на негативную оценку деятельности в целом, для Д. Ф. Гагмана нашлись и слова благодарности. Последний, «сам того не предполагая, доброе дело сделал: помог преобразованию Мариинского здешнего училища в настоящую гимназию. Тобольки хлопотали долго и безрезультатно, а Гагман выхлопотал, и выхлопотал потому, что сам имел дочерей, которых надо было учить» [25, с. 84].

Д. Ф. Гагмана сменил А. А. Станкевич, который энергично воспринял свое новое назначение, так как уже имел опыт работы в Тобольской губернии. В частности, принимал участие в помощи населению, пострадавшему от неурожая 1891—1892 гг., а потом был назначен исполняющим дела чиновника особых поручений при Земском отделе по переселенческому делу в г. Кургане. Таким образом, новый губернатор был знаком с особенностями края, что должно было помочь ему в работе на этом посту. Он много ездил по губернии, стремился помочь ее жителям, поэтому довольно быстро завоевал их уважение [4, с. 445—446]. В журнале отмечалось, что начало деятельности А. А. Станкевича было связано с подъемом общественной жизни и отменой некоторых ограничений введенных Д. Ф. Гагманом по отношению к общественным организациям, но длилось это недолго и «внезапно наставшая эпоха доверия столь же внезапно и прекратилась» [25, с. 85]. Тем не менее, после объявления в губернии чрезвычайного положения в 1914 г., А. А. Станкевич, облеченный обширными полномочиями не стремился прибегать к обязательным постановлениям, а настаивал на необходимости применения закона.

В целом, большая часть материалов в журнале «Сибирские вопросы», характеризующая деятельность губернаторов Западной Сибири в начале XX века, имеет критическую направленность. Но, несмотря на это, под руководством начальников губерний проводились мероприятия, способствующие развитию региона. Поэтому для того, чтобы представить полную картину деятельности западно-сибирских губернаторов, необходимо использовать и другие исторические источники, в частности, архивные документы.

Библиографический список

1. Сибирские вопросы. — 1905. — № 1. — С. 3.
2. Сибирские письма // Сибирские вопросы. — 1911. — № 18—19. — С. 49—51.

3. Л. Сенаторская ревизия накануне введения земства / Л. // Сибирские вопросы. — 1908. — № 35—36. — С. 1—5.

4. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В. В. Коновалова. — Тюмень : Тюмен. издат. дом, 2000. — 577 с.

5. Сибирские письма // Сибирские вопросы. — 1908. — № 27—28. — С. 50—52.

6. В. К. Обзорение сибирской жизни / В. К. // Сибирские вопросы. — 1909. — № 4. — С. 18—26.

7. Сибирские письма // Сибирские вопросы. — 1910. — № 17. — С. 28—30.

8. Костюрин, В. Неудачный опыт «правительственных кандидатов» (письмо из Тобольска) / В. Костюрин // Сибирские вопросы. — 1906. — № 4. — С. 89—94.

9. Сибирские письма // Сибирские вопросы. — 1908. — № 13. — С. 23—31.

10. Л. Ошибочная и опасная политика / Л. // Сибирские вопросы. — 1907. — № 23. — С. 2—5.

11. Сибирская жизнь. — 1908. — 11 октября.

12. Дмитриенко, Н. М. Сибирский город Томск в XIX — первой трети XX века: управление, экономика, население / Н. М. Дмитриенко. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2000. — 280 с.

13. Непомнящий, Н. Сибирь и сибирские губернаторы / Н. Непомнящий // Сибирские вопросы. — 1911. — № 45—46. — С. 71—75.

14. Государственный архив Томской области. Ф. 2. Оп. 2. Д. 163. Л. 54.

15. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. — 1912. — № 21. — С. 67—72.

16. Удивительная губерния или удивительные губернаторы // Сибирские вопросы. — 1912. — № 3-4. — С. 41—44.

17. К. Ж-в. Сибирские письма / К. Ж-в // Сибирские вопросы. — 1909. — № 7. — С. 41—45.

18. Сибирские письма // Сибирские вопросы. — 1910. — № 42—43. — С. 24—30.

19. Сибирские письма (Власть и обыватели) // Сибирские вопросы. — 1909. — № 15. — С. 35—37.

20. ГБУТО «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 152. Оп. 36. Д. 248. Л. 13—23.

21. Сибирские письма // Сибирские вопросы. — 1909. — № 44. — С. 31—33.

22. Сибирские письма // Сибирские вопросы. — 1910. — № 1. — С. 22—24.

23. Дело тобольского губернатора Д. Ф. фон Гагмана // Сибирские вопросы. — 1911. — № 47—49. — С. 85—90.

24. Последняя страничка «дела» тобольского губернатора Д. Ф. фон Гагмана // Сибирские вопросы. — 1912. — № 25. — С. 69—77.

25. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. — 1912. — № 19. — С. 83—85.

ГЕРМИЗЕЕВА Виктория Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: vika-germ@mail.ru

Статья поступила в редакцию 06.03.2012 г.

© В. В. Гермизеева

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА КОМИССАРОВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СИБИРИ

Рассматривается процесс смены власти губернского и областного уровня и построение к середине марта новой властной вертикали в Сибири.

Ключевые слова: Февральская буржуазно-демократическая революция, Временное правительство, социальные катаклизмы.

Должности губернского и уездного комиссаров были учреждены на основании декрета Временного правительства от 13 марта 1917 г. для управления местными органами власти. Однако их правовой статус, функциональные обязанности не были достаточно четко прописаны. В связи с чем многие вопросы разрешались посредством разъяснительных телеграмм, циркуляров, инструкций со стороны Министерства внутренних дел.

Созданное в марте 1917 г. при Министерстве внутренних дел Особое совещание по местным реформам ввиду сложности работы только к сентябрю подготовило Проект положения о комиссарах, согласно которому компетенция комиссаров напоминала компетенцию губернаторов и исправников. Само «Временное положение о губернских и уездных комиссарах» было обнародовано лишь 25 сентября 1917 г. Такая медлительность порождала кризис власти на местах.

После Февральской революции 1917 года в рамках первых преобразований Временное правительство пыталось провести мероприятия по обеспечению управления на местах в условиях широкого стихийного процесса ликвидации местных органов власти и должностных лиц и, тем самым, расширить полномочия местных органов власти. Наибольшему разрушению подверглись органы охраны общественного порядка и местные органы власти на низовом уровне.

Уже 4 марта 1917 г. Временное правительство признало «желательным сохранение в пределах возможности управления всего существующего административного механизма» и постановило «временно устранить от должности губернаторов и вице-губернаторов» [1]. Также были освобождены от занимаемых должностей градоначальники, полицеймейстеры, исправники, становые приставы, урядники, земские начальники с соответствующими канцеляриями и делопроизводствами, были упразднены такие местные учреждения, как полицейские управления, комитеты по делам печати, жандармские управления и охранные отделения и т.д.

В частности, Омский Совет рабочих и военных депутатов под давлением революционных масс на первом своем заседании 3 марта принял решение об аресте генерал-губернатора, губернатора и других представителей старой власти, и на следующий день решение было исполнено. В этот же день по постановлению Красноярского Совета рабочих и солдат-

ских депутатов были произведены аресты Енисейского губернатора Я. Г. Гололобова, вице-губернатора Римского-Корсакова, полицмейстера и офицеров жандармского управления в Красноярске [2]. Этому примеру последовали и в Ачинске, Канске, Минусинске и других городах Енисейской губернии.

Иркутский КООрг под давлением революционных масс был вынужден санкционировать решения Советов об аресте представителей старой власти [3]. 21 марта Ялуторовский уездный Исполнительный комитет сообщал губернскому комиссару об устранении крестьянами всех полицейских чинов и крестьянского начальника Венгешинского [4]. 9 апреля в Кузнецке состоялось уездное народное собрание, на котором было принято решение отстранить от должности уездного исправника и крестьянских начальников [5]. Но в некоторых городах Сибири (в Томске, Бийске, Чите, Новониколаевске и др.) Комитеты порядка и городские думы предпринимали попытку сохранить в неприкосновенном виде старую царскую администрацию.

Упраздненные должности и учреждения правительственного аппарата на местах были заменены губернскими, городскими и уездными комиссарами Временного правительства и их аппаратом (канцеляриями), которым предлагалось опираться на земское и городское самоуправление.

Циркулярным распоряжением Временного правительства от 5 марта 1917 г. временно обязанности этих комиссаров до выборов новых органов самоуправления возлагались на председателей губернских и уездных земских управ и городских голов, которые были избраны еще при старом режиме [6]. Однако и это не улучшило положение, т.к. на местах занимали выжидательную позицию или действовали, как сами считали правильным.

В Сибири формирование корпуса губернских и уездных комиссаров шло менее энергично, чем в центральной России. Одной из основных причин этого являлось отсутствие земств и, как следствие, нехватка профессиональных управленческих кадров, необходимой материальной базы. В конечном счете сеть правительственных комиссаров в губерниях Сибири оказалась более слабой в экономическом и организационном отношении, особенно на уровне уездов.

Комиссия по разработке положения о комиссарах Временного правительства в губерниях и уездах, которую возглавлял С. М. Леонтьев, на заседании

26 марта 1917 г. приняла решение о том, «что по условиям переживаемого времени намеченные преобразования отнюдь не могут вылиться в форму органических законов, но, отвечая лишь неотложным запросам действительности, имеют своей задачей необходимое урегулирование хода жизни на местах, впредь до окончательного устройства местных учреждений в порядке законодательном...» [7, 8]. Поэтому основной задачей комиссии было установить координацию деятельности комиссаров с правительством и местным самоуправлением. В ходе работы были установлены общие принципы статуса комиссаров, которые, без всякой конкретизации, Временное правительство сообщило губернским комиссарам в виде инструкции в циркулярах Министерства внутренних дел от 1 апреля (о функциях комиссаров) и 15 апреля (о системе управления):

1. Губернский комиссар должен был назначаться Временным правительством и являться официальным и главным «носителем власти Временного правительства в губернии»; он не подчинялся какому-либо конкретному ведомству. Циркуляры предоставляли ему все права губернаторов «за исключением отпавших вследствие происшедших в государственном строе изменений».

2. Комиссар должен был объединить все гражданское управление, имел право надзора за всеми отраслями гражданского управления и информировал уездных комиссаров о правительственных распоряжениях. Совещание существенно ограничило полномочия губернского комиссара: административных функций он не имел, мог только издавать постановления и надзирать за «законностью и целесообразностью» действий органов местного самоуправления через информирование правительства и протестование их в местном суде. В его ведении также было землеустройство, «общий надзор за милицией» и право вызова войск.

3. Все губернское управление заменялось советом при комиссаре, в составе которого были общее, административное, сельское и хозяйственное присутствия. В совет входили назначаемые по представлению помощники комиссара, а также инспектора милиции, строительные и врачебные инспектора, председатель окружного суда и прокурор.

4. Кандидатура уездного комиссара должна была рекомендоваться губернскому комиссару уездным исполкомом и по представлению назначаться правительством. Уездные комиссары могли осуществлять не управление, а надзор и общую координацию; они не имели при себе совета. Комиссары должны были надзирать не за уездными органами (полностью самоуправляемыми), а за волостными и поселковыми правлениями. Увольнение также происходило по представлению и при наличии замены [8, л. 50–57; 9; 10].

21 апреля 1917 г. окончательно подготовленный проект положения о комиссарах был представлен совещанию и в целом одобрен, а затем вынесен на открывшийся съезд губернских комиссаров. На съезде (22–24 апреля) присутствовало 36 губернских комиссаров и их помощников, два уездных комиссара, два городских (от губернского и уездного центров), а также представители почти всех министерств и особо приглашенные лица из числа членов совещаний. Председатель съезда князь Г. Е. Львов во вступительной речи отметил «величавость» происшедшего «переворота», выразил радость по поводу освобождения от «бюрократических оков» и опасения, вызванные ростом анархии («внутренний враг»,

который «хуже внешнего») [11]. Затем съезд начал рассмотрение правительственного проекта, по которому делегаты отмечали невозможность в сложившихся условиях унифицировать систему местного управления. Поэтому единственными реальными органами власти на местах назывались временные волостные исполкомы, а также Советы, от которых зависела и власть губернатора. «Не следует забывать, что без активной поддержки указанных организаций [Советов. — О. Ч.] власть комиссара сводится к нулю», — говорилось на съезде [11, л. 15].

В этой связи, под давлением провинции Временное правительство было вынуждено пойти на некоторые уступки мелкобуржуазной демократии. Было признано необходимым дополнить проект положения о комиссарах двумя пунктами: 1) во всех мероприятиях, касающихся местной жизни губернии, комиссар действует в единении с губернским Комитетом общественных организаций; 2) губернский комиссар назначается Временным правительством по соглашению с губернским Комитетом общественных организаций [12].

В итоге, комиссары получили право надзора над местным самоуправлением с правом ознакомления с деятельностью, требования сведений и объяснений, но без права ревизии. Комиссар имел право общего руководства милицией, но в целом она оставалась в подчинении органов самоуправления. Однако делегаты выступили против создания совета при комиссаре, так как посчитали это простой «перекраской» прежних органов и заявили о необходимости срочной более общей реформы местного управления и самоуправления. До ее проведения прежние органы сохранялись, многие их функции упразднились или должны были перейти земству и административной юстиции. Необходимо было также восстановить институт выборных мировых посредников. Комиссары также предлагали начать отпуск средств по сметам Комитетов общественных организаций, в связи с чем Министерство внутренних дел еще 21 апреля направило соответствующий циркуляр в губернии [9, л. 25; 11, л. 23–33].

Таким образом, полномочия правительственных комиссаров оказались довольно значительными и вместе с тем крайне размытыми. Эта правовая неопределенность неизбежно обусловила неэффективность правового регулирования отношений в сфере организации и деятельности местных органов власти, которые были лишены четкой юридической основы.

Постановление о комиссарах, которое вышло только 26 апреля, создало основу новой административной системы. В целом, это был проект совещания с поправками съезда. Механизм нормальной работы положения не был отрегулирован даже к осени (хотя ни один из кабинетов правительства не менял взятого курса), о чем и говорилось на последующем съезде в августе [13].

На местах же сложилась далеко не такая картина, какой ее хотело видеть правительство. Как и говорилось на съезде, губернские и уездные комиссары не имели реальной власти (даже такой ограниченной, какая им предназначалась) и целиком зависели от низовых органов самоуправления, Советов и Комитетов общественных организаций. Так, например, факт ареста в марте 1917 г. по постановлению Томского и Иркутского общественных комитетов и Совета бывших губернатора и вице-губернатора, несмотря на возражение самого губернского комиссара, свидетельствует о том, что в первые дни мартовской революции именно КОБы (при поддержке

Советов), а не комиссар Временного правительства был реальной политической властью в регионе [14].

Часто комиссары действовали без назначения правительства, уездные комиссары — без назначения губернскими. Иногда они избирались раньше назначения, и правительству приходилось признавать их. При этом, они далеко не всегда являлись председателями земских управ, среди них нередко встречались судебные следователи, присяжные поверенные, преподаватели гимназий, лица свободных профессий или даже студенты [15]. «Создание института губернских комиссаров шло как-то помимо правительства», отмечает Т. М. Баженова [16]. Никакой четкой системы управления не было, а о существующей комиссары не всегда сообщали правительству. С апреля оно предприняло анкетирование губернских и уездных комиссаров, которое не завершилось и в августе. Материалы анкет были крайне скудны и свидетельствовали не столько о малой осведомленности правительства, сколько о чрезвычайно слабой и неоформленной власти комиссаров¹. Последние, в свою очередь, мало что знали о деятельности Временного правительства на местах. Они были загружены массой работы, нередко вынуждены были выполнять земские, судебные и полицейские обязанности. Финансы распределялись без должного контроля, подчас они тратились на содержание партий и Советов. Часто различные органы власти (Советы, Комитеты общественных организаций) принимали на себя полномочия и функции государственной власти [13, л. 19–20; 15, л. 50–70; 17]. Не были также разграничены полномочия губернских комиссаров и особых комиссаров правительства на местах³.

В частности, в марте 1917 г. Временное правительство дважды предпринимало попытку взять под свой контроль (через комиссаров) создание и деятельность губернских и уездных комитетов [18; 19]. Для этого 8 марта 1917 г. Временное правительство приняло решение: «командировать комиссарами в Сибирь... членов Государственной думы И. П. Лаптева (Степной край), А. С. Суханова (Тобольская губерния), Е. П. Зубашева (Томская губерния) и товарища председателя Земгора П. И. Преображенского (Иркутская губерния и Забайкалье)» [20].

В дальнейшем правительственные комиссары, выполняя волю Временного правительства, постепенно отстраняли комитеты порядка от руководства местными правительственными учреждениями и все вопросы стали решать единолично. В Омске это вызвало острый конфликт между эсеро-меньшевистской частью Коалиционного комитета и областным комиссаром Н. И. Лепко. В большинстве же мест комиссары Временного правительства превратили комитеты в собственные канцелярии, а в Тобольской, Алтайской и Енисейской губерниях фактически перестали с ними считаться. К моменту проведения в Сибири реформы местного управления и самоуправления большинство комитетов порядка выродилось в безвластные учреждения [21].

В качестве предположений следует выделить общие причины низкой эффективности управленческой деятельности комиссаров, которые заключались в следующем: 1) преходящий, временный характер; 2) отсутствие четкого правового и организационного механизма реализации функций комиссаров; 3) возможность совмещения должности комиссара с другими постами, что позволяло расширить сферу компетенции комиссаров и комиссариатов; 4) конкуренция со стороны общественных организаций.

Тем более что в силу неопределенности полномочий комиссаров некоторые их действия невольно противоречили или расходились с политикой центральной власти [14, с. 18].

К тому же Министерство внутренних дел запретило практику совмещения должности комиссара с другими постами, в частности с постом председателя общественного комитета, в чрезвычайных ситуациях правительство возлагало ответственность за состояние дел в равной степени, как на комиссара, так и на местные общественные комитеты.

Поиск форм отношений комиссаров с общественными комитетами также был связан с определенными трудностями, которые заключались в отсутствии четкого общественно-политического и правового статуса последних. Как впоследствии констатировало МВД, в ряде мест различные комитеты «выражают неодобрение комиссарами и избирают других лиц из-за несогласия комитетов с теми или иными распоряжениями комиссаров» [1, с. 219].

Следует отметить, что отношение правительства к общественным организациям (общественным комитетам, Советам и т.д.) было зачастую противоречивым. С одной стороны, общественные комитеты не были признаны законными органами власти, с другой — правительство не исключало возможности в некоторых случаях передавать им выполнение функций органов представительной власти на местах. При этом принадлежность общественных комитетов к системе органов Временного правительства определялась и источником их финансирования. В ответ на многочисленные запросы с мест МВД дало разъяснение: «Средства государственного казначейства могут отпускаться по сметам губернского и уездного управлений для содержания лишь тех органов или отделов исполнительных комитетов общественных организаций, которые по поручению Временного правительства или его представителей — комиссаров выполняют функции органов правительственной власти на местах. Содержание же иных — партийных, классовых и профессиональных организаций не может быть отнесено на счет государственного казначейства»².

Бедственное положение власти сочеталось с нарастанием анархии, когда, по словам Милюкова, ведущей силой в России стала «сила дезорганизации» [22]. Временное правительство продемонстрировало свою полную неспособность удержать ситуацию под контролем. Причина крылась не только в слабости власти, но и в ее нерешительности и неуверенности в своем курсе. Да и избранный политический курс не мог способствовать усилению власти правительства. По мнению некоторых лидеров социалистических партий, «буржуазный» характер правительственного курса проявлялся исключительно в «непредрешенчестве», нежелании и неспособности решать важнейшие общественные проблемы [23]. Таким образом, коалиция стала неизбежным итогом деятельности первого Временного правительства, слабой попыткой найти реальную политическую опору и свидетельством полного краха его политического курса. Но создание коалиционного правительства могло только отсрочить окончательное падение всего государственного порядка, но не решало основных проблем власти.

Таким образом, Временному правительству пришлось существовать в условиях все более и более усиливающегося революционного движения. Созданное на основе определенного компромисса, это правительство неизбежно вынуждено было учитывать

интересы разных политических сил, участвовавших в революции. Но отсутствие реальной политической опоры и действенного аппарата, неспособность создать их оставляли новую власть наедине с революционной стихией, не позволяли на данном этапе оформить новый государственный и политический строй. Растущее безвластие открывало дорогу для государственного строительства на принципиально иных основаниях.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 64 (Всего существуют анкеты 19 губерний (в основном Европейской части России; материалы по некоторым уездам отсутствуют) и трех областей).

² ГАРФ. Оп. 1. Д. 64. Л. 3–4 (Временное правительство унаследовало их от Государственной думы. Обычно этот внештатный пост и занимали депутаты Думы. К лету число особых комиссаров равнялось восемнадцати, подавляющее большинство их находилось на окраинах (Сибирь, Прибалтика, Белоруссия)).

³ Цит. по: Андреев А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). — М.: Изд-во «Наука», 1983. — С. 32.

Библиографический список

1. Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. — С. 422.
2. Красноярский Совет (протоколы и постановления). — Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1960. — С. 10, 11, 58.
3. Сидоренко, С. А. Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революции социальной в Сибири (март–апрель 1917 г.) / С. А. Сидоренко. — Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1970. — С. 113.
4. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-722. Оп. 1. Д. 88. Л. 28.
5. ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 23. Л. 1-4, 7.

6. Собрание указов и распоряжений Временного правительства. — Вып. 1. — М., 1917. — С. 41.
7. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–2.
8. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 6. Д. 5. Л. 1–44.
9. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 6. Л. 12–15.
10. Революционное движение в России в апреле 1917 года. Апрельский кризис. Документы и материалы. Вып. 2 / Под ред. Л. С. Гапоненко. — М.: Наука, 1958. — С. 311–312.
11. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 5. Л. 6.
12. Вестник Временного правительства. — 1917. — 20 июня. — С. 20.
13. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–3.
14. Кучак, Л. А. Местное управление на Урале и в Западной Сибири в марте–октябре 1917 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. А. Кучак. — Екатеринбург, 2002. — С. 16.
15. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 64. 93, 356.
16. Баженова, Т. М. Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства / Т. М. Баженова // Сб. науч. трудов Свердл. юрид. ин-та. Вып. 44. — Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1975. — С. 75.
17. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 128–135.
18. ГАРФ. Ф. 398. Оп. 1. Д. 41. Л. 4–5.
19. ГАРФ. Ф. 398. Оп. 1. Д. 36. Л. 47.
20. ГАРФ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 38. Л. 74.
21. Победа Великого Октября в Сибири. В 2 ч. Ч. 1. Февральская революция и двоевластие / Под ред. И. М. Разгона. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. — С. 231.
22. ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 145. Л. 16.
23. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 725. Л. 20–21, 68–69.

ЧУДАКОВ Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения.
Адрес для переписки: chudakov55@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 29.02.2012 г.

© О. В. Чудаков

УДК 94(571.1):364.272

А. В. ДОРОШЕНКО

Омский государственный
технический университет

БОРЬБА С ПЬЯНСТВОМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЁЖИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОМСКА И НОВОСИБИРСКА)

Статья отражает борьбу с алкоголизацией несовершеннолетних и молодежи в Омске и Новосибирске в первой половине 1980-х гг. Особое внимание обращено на выявление основных тенденций этой борьбы применительно к конкретным социальным группам.

Ключевые слова: пьянство, Западная Сибирь, Омск, Новосибирск, молодежь.

Борьба с молодёжным алкоголизмом и её успехи или неудачи являются одним из наиболее важных индикаторов результативности антиалкогольной политики в целом. Во многом именно закладываемые в этот период в массовое сознание установки относительно злоупотребления спиртными напитками и отношение, формируемое к мерам по его ограниче-

нию, становятся установками, характерными для целого поколения. С другой стороны, алкоголизм несовершеннолетних несёт наибольшую угрозу формированию личности и её положительной социальной адаптации, способствует подъёму криминальных тенденций. Изучение данной проблемы с привлечением материалов Омска и Новосибирска

обусловлено, во-первых, достаточной типичностью этих городов для характеристики злоупотребления спиртными напитками в национальном масштабе, поскольку они являют образец достаточно распространённый в демографическом, экономическом, культурном, образовательном и т.д. смысле. Во-вторых, они позволяют выявить специфику алкоголизации именно в крупных городах Западной Сибири, на которые можно в целом с некоторыми оговорками распространить качественные выводы по Омску и Новосибирску.

Особенное значение исследования первой половины 1980-х гг. имеет по той причине, что именно данный период сравнительно мало изучен, что не даёт возможности в полной мере раскрыть содержание и последующего периода.

Достаточно ярко взаимосвязь между результативностью антиалкогольной борьбы в целом, и среди несовершеннолетних и учащихся в частности, иллюстрирует то, как борьба с молодёжным пьянством проводилась в первой половине 1980-х гг.

Борьба с молодёжным пьянством осуществлялась с учётом социальных и профессиональных групп молодёжи. Прежде всего, можно выделить следующие основные направления борьбы с молодёжным алкоголизмом: среди учащихся общеобразовательных школ, среди учащихся профессиональных училищ, работающих, неработающих и неучащихся. Каждая из этих групп, несмотря на общие черты, имела и свою специфику. Целесообразно раскрыть содержание специфики и общих черт групп, распределив их по признаку социализированности. Начать следует с учащихся общеобразовательных школ, как наименее ещё сформированные в социальном плане относительно других, и тем самым в наибольшей степени открытые для вложения как положительных, так и отрицательных поведенческих стереотипов. Следующей ступенью, конечно, будут учащиеся системы среднего профессионального образования. Эти две категории можно в известной степени объединить в категории «формирующихся в социальном смысле вообще». Группа «работающие» является в этом смысле антитезисом первой группы, т.к. имеет уже сложившиеся социальные характеристики и возможно только воздействовать с учётом их, но не переделывать и не создавать заново. Свообразным же синтезом выступает третья категория — неучащиеся и неработающие. Синтез заключается в том, что им свойственны одновременно как черты первой категории (недоразвитость поведенческих стереотипов), так и второй (крайняя затруднённая коррекция поведения вследствие устойчивости его структуры). Свообразность же содержится в невозможности прямого отождествления этой категории с другими двумя как в целом, так и в частностях. Её характерные признаки хотя и похожи на признаки той и другой, однако в своём устройстве являют нечто отличное от них. Каким же образом осуществлялась борьба с употреблением спиртных напитков в каждой из этих категорий, начиная со школьников?

Борьбе с пьянством в общеобразовательных школах уделялось первоочередное внимание, поскольку именно оно, во-первых, вызывало наибольший моральный шок, во-вторых, делалась ставка на изначальное формирование стандартов культурного употребления спиртных напитков. В школах в борьбе с пьянством применялись различные меры. Ключевое место среди них занимали:

— лекции [1, л. 107];

— передача школьников, совершивших преступление, на перевоспитание педагогическим коллективом [2, л. 8];

— операции «Забота», «Подводные рифы», «Трезвость», рейды по выявлению мест сбора подростков, проверка соблюдения правил торговли спиртными напитками, выявление неработающих и неучащихся подростков, выполнение режима подростками, освобождённых из ВТК, спецшкол и спецучилищ [3, л. 28];

— шефство над школами и отдельными школьниками со стороны ВЛКСМ (операция «Отдых» — в дни школьных каникул, «Невод» — в марте, апреле — по выявлению безнадзорных несовершеннолетних), промышленных предприятий, создание отрядов ЮД и ЮДМ;

— в Новосибирске также проводились целевые рейды КДН, ИДН и РОНО в вечернее время в течение всего лета с целью выявления безнадзорных несовершеннолетних, работа по налаживанию нормального досуга, в т.ч. с привлечением клубов по месту жительства [4, л. 102]. Воспитательная работа с учащимися по месту жительства осуществляется школами совместно с детскими клубами, культурными учреждениями района и трудовыми коллективами шефствующих предприятий. Большую помощь в организации разумного досуга учащихся оказывали детские клубы «Парус», «Пингвинёнок», «Маяк», «им. Калинина», ДК «Строитель», шефствующие предприятия: завод «Химаппарат», НЗТМ, объединение «Электроагрегат», завод имени Чкалова и др. [5, л. 44].

Наряду с определёнными достижениями, в антиалкогольной работе имелись также и существенные недостатки. В Центральном районе города Омска в 1983 г. качество антиалкогольной работы в общеобразовательных школах было низким. В частности, на районной комиссии по борьбе с пьянством не была заслушана информация РОНО и ИДН об организации антиалкогольной пропаганды в школах и ГПТУ [6, л. 92]. В Ленинском районе Омска в 1980 г. вся антиалкогольная работа в школах и ГПТУ свелась, к сожалению, к чтению лекций [1, л. 107]. В Новосибирске антиалкогольная работа в школах в 1980 г. в основном концентрировалась на охвате обучением трудных несовершеннолетних, выявлении не занимающихся какой-либо деятельностью, проводившемся с помощью силовых структур, позволило в значительной мере сократить процент отсева этой категории учащихся по сравнению с прошлыми годами [5, л. 43]. Улучшилась работа по организации летнего отдыха и досуга школьников, в том числе и взаимодействие с детскими клубами и шефствующими предприятиями. Вместе с тем отчётливо проявила себя тенденция роста правонарушений [5, л. 44]. В ряде школ г. Омска работа с трудными несовершеннолетними (например, в школе № 79) ограничивалась беседами. Администрация пассивно ожидала окончания ими обучения, чтобы избавиться от них. Плохо было налажено взаимодействие с комиссией по делам несовершеннолетних [7]. С большим трудом во многих случаях удавалось добиться постановки трудных учащихся на учёт в детские комнаты милиции, поскольку это воспринималось как удар по престижу школы и встречало пассивный саботаж [8]. В значительной мере эти же меры и уровень антиалкогольной работы были свойственны и профессиональным училищам.

Среди основных мер, применявшихся в борьбе с пьянством среди учащихся профессиональных

училищ, можно назвать следующие: рейды по местам проживания учащихся в вечернее время [1, л. 35], беседы на противоалкогольную тематику, выставки, [2, л. 56], вовлечение в занятия спортом, кружки и клубы по интересам [2, л. 41]; обсуждение в группах, на собраниях отделения, заседаниях комитетов ВЛКСМ и др. [2, л. 54]. Профилактикой алкоголизма среди учащихся профессиональных училищ Омска занимались не только воспитатели общежитий, но и мастера производственного обучения. Это само по себе могло быть крупным положительным фактором, т.к. охватывалась контролем не только производственная сфера, но и среда обитания. Но в конкретных училищах всё зависело, главным образом, от уровня организации работы в целом, от того, насколько качественно подходили к данному её участку в частности. Одним из наиболее существенных источников являются результаты различных рейдов по общежитиям. Надо, впрочем, учесть, что они фиксировали в основном негативные явления, а в положительных случаях, как правило, избегали детализации. Можно выделить следующие причины роста алкоголизации, выявленные в ходе рейдов:

- низкое качество и малое количество наглядной агитации;
- слабое вовлечение в кружки и клубы по интересам;
- отсутствие порядка на территории и систематического учёта проживающих [2, л. 9].

В трёх училищах города Омска не имелось в 1980 г. должного контроля за поведением учащихся в общежитиях [1, л. 47]. Вполне вероятно, что частым нарушением была возможность беспрепятственного ухода из общежития или, как вариант, невозвращения в него/отсутствия в нём после наступления темноты [2, л. 9]. Профилактическая работа во многих случаях ограничивалась проведением лекций [2, л. 59].

Среди профессиональных училищ более низким уровнем организации шефства выделялись СПТУ. Администрация многих предприятий промышленности и жилищно-коммунального хозяйства, сверх того, недостаточно хорошо работала в смысле шефства над закреплёнными за ними клубами по месту жительства. Часто это выражалось в закрытии этих клубов, отнимании у них помещений или несвоевременного предоставления новых и ремонта имеющихся. В Новосибирске над техникумами и техническими училищами шефствовали ДК [4, л. 66]. Впрочем, и здесь имелись случаи, когда даже многократно фиксировавшиеся в органах внутренних дел учащиеся не имели по-прежнему шефов, не вовлекались в кружковую работу, часто также была слаба организация воспитательной работы, пропускного режима и контроля за соблюдением дисциплины [9, л. 8].

Кроме того, важно отметить тот факт, что на период производственной практики учащиеся профессиональных училищ «выпадали» из-под какого бы то ни было контроля, особенно за проведением свободного времени. Именно в этот период в Омске ими совершалось не менее 50 % правонарушений [10]. Также в Омске во многих ГПТУ пьянство учащихся, а также длительные и систематические пропуски ими занятий часто оставались без должного реагирования. Способствовали росту девиантного поведения и бытовые условия в некоторых училищах, например отопление во многих общежитиях не соответствовало стандартам. Такая ситуация сохранялась в течение многих лет, на что обращали

внимание даже в периодической печати [11]. В Новосибирске обращает на себя внимание сравнительно неплохая организация культурного досуга обучающихся в механическом техникуме, ГПТУ-47, ТУ-26, школах № 159, 13, 41, детских клубах «Бригантина» и «Юный авиатор» [4, л. 70]. В 1983 г. на этом фоне в Новосибирске отрицательно проявило себя Ордынское среднее СПТУ-17, что привело к росту совершения правонарушений [4, л. 24]. Значительно лучшие результаты в этом смысле показали в этот период технические училища № 30, 35, 36, 42, 31 Заельцовского района, в котором также активизировалась и работа по обеспечению спортивного досуга. Таким образом, имеется достаточное основание для того, чтобы сделать вывод: и в Омске, и в Новосибирске борьба с пьянством в профессиональных училищах носила сложный и многогранный характер, порой достигались отдельные положительные результаты, но общая тенденция была отрицательной, хотя и намного менее выраженной количественно, чем в настоящее время. Однако полноценная характеристика борьбы с пьянством среди несовершеннолетних и молодёжи необходимо требует раскрытия также её содержания и эффективности среди плохо социализированных личностей.

Борьба с асоциальным поведением среди неработающих и неучащихся несовершеннолетних в Омске широко опиралась на выявление их массовых скоплений. Например, операция «Отдых» в дни школьных каникул, операция «Невод» в марте и апреле по выявлению безнадзорных несовершеннолетних. ИДН совместно с ОКОД также проводили специальные операции по отлову асоциальных несовершеннолетних: «Забота-84», «Подводные рифы», «Трезвость». Дважды в месяц проходили акции по выявлению мест несанкционированных сборищ и притонов, несоблюдения правил продажи алкогольной продукции, выполнению режима подростками, освобождёнными из тюрем и специальных училищ [3, л. 28]. Каждое воскресенье общественность патрулировала вещевой рынок. За первое полугодие 1984 г. ими совместно с силовыми структурами было задержано 1114 несовершеннолетних, из которых за распитие спиртных напитков — 40, за появление в пьяном виде в общественных местах — 55, за бродяжничество — 1, по причине безнадзорности — 505. Над 823 трудными подростками, состоявшими на учёте в оперативных отрядах города, шефствовало 268 их участников. За первое полугодие 1984 г. из их числа было снято с учёта как исправившихся лишь 20 человек [3, л. 32]. Из 823 трудных подростков, состоявших на учёте в оперативных отрядах города, было трудоустроено 52, в инспекции и комиссии по делам несовершеннолетних передано 152 материала на них. Шефство над трудными подростками постепенно во всё большей степени стало опираться на проведение с ними различных собраний. Руководство ряда предприятий весьма мало уделяло внимания отбору шефов по признакам профессионализма и т.д. [3, л. 44]. Принимались также меры воздействия по отношению к семьям несовершеннолетних, нарушавших административное и уголовное законодательство. Утверждалось, что все эти меры в Омске дали положительный эффект. Но уже непосредственно следующая текстуально за этим утверждением информация об отсутствии сокращения несовершеннолетних правонарушений, а в более широком временном промежутке — их росте, в значительной мере дезавуирует такие оценки. Во всяком случае, можно заклю-

чить, что действительная результативность данных мер была весьма скромной. В Новосибирске шефство в значительной степени было направлено на распространение и усвоение трудовых приёмов и профессиональных навыков. Культурно-досуговая сфера была неравномерно развита даже в различных частях одних и тех же организаций [4, л. 36]. Слабым местом в г. Омске оставались сравнительно новые формы борьбы с девиантным поведением — военно-спортивные лагеря и тематические вечера. В Дзержинском районе Новосибирска в 1980—1983 гг. на серьёзном уровне была поставлена работа с неработающими и неуспевающими несовершеннолетними [12, л. 72]. Имелся тесный контакт ИДН РОВД и КДН при ИК райСНД. Лица указанной категории находятся под постоянным контролем и с ними проводится необходимая профилактическая работа [12, л. 75].

Поскольку имеющиеся данные о качестве и конечном КПД антиалкогольной работы среди несовершеннолетних в различных организациях существенно расходился, иногда даже более чем существенно, целесообразно будет привести несколько примеров конкретных организаций, продемонстрировав такое расхождение.

На Омском заводе кислородного машиностроения в 1983 г. несовершеннолетние работающие не посещали секции ДК [2, л. 15]. В том же году в среднем по городу почти каждый пятый подросток, совершивший правонарушение, работал на предприятиях и в организациях. Наибольшее число работающих несовершеннолетних трудилось на НПО «Микрокриогенмаш», мясокомбинате посёлка Берегового, з-де «Омскгидропривод». На данных предприятиях была ослаблена индивидуально-профилактическая работа с несовершеннолетними. Имелись факты, когда подростки длительное время употребляют спиртные напитки, совершают систематические прогулы, однако меры воздействия к ним не применяются [2, л. 41]. В Новосибирске в том же 1983 г. впечатляющая разница имела между площадками № 1 и № 2 хлопчатобумажного комбината. Если вторая площадка смогла заставить всех несовершеннолетних работающих выполнять весь положенный объём работ, разработала и применяла различные формы воспитательной работы, то на первой — наоборот. Но текучесть кадров всё ещё оставалась высока [4, л. 36]. На НПКОО «Обь» наставники в основном занимались чисто производственными вопросами, мало внимания уделялось вовлечению вновь принимаемых работников в общественную жизнь коллектива и заботе о свободном времени. Комитет ВЛКСМ много времени вместо вовлечения молодёжи в общественную жизнь тратил на составление отчётов и справок в вышестоящие инстанции [4, л. 84]. Культурное и спортивное обеспечение, по существу, находилось на высоком уровне как по объёму, так и по разнообразию применяемых мер. (кинолектории, ансамбли, клубы, хор, народный театр, рок-группа) [4, л. 85—87].

Антиалкогольная работа среди всех категорий несовершеннолетних в целом состояла из агитационно-пропагандистских мероприятий. Именно им отдавался приоритет относительно других видов борьбы с пьянством (организация рационального досуга, физкультурно-спортивные занятия и т.д.). Во многом это объясняется тем, что существовало прочное убеждение в отсутствии объективных причин злоупотребления алкогольными напитками, и необходимо, чтобы добиться его сокращения усилить воз-

действие на отдельных нарушителей порядка и дисциплины. Например, в Первомайском районе г. Омска за первое полугодие 1984 г. было прочитано свыше 40 лекций на антиалкогольную тему, но при этом на учёте в инспекции по делам несовершеннолетних находилось лишь 40 % семей и 32 % подростков, замеченных в злоупотреблении спиртными напитками [2, л. 29].

Комиссии и инспекции по делам несовершеннолетних работали хотя и в одном направлении, но несогласованно, обмен необходимыми сведениями между ними мог быть улучшен. В частности, Омская городская комиссия по делам несовершеннолетних не располагала сведениями о мероприятиях, проводимых с несовершеннолетними, состоящими на учёте в инспекции, о занятости в свободное время несовершеннолетних, склонных к злоупотреблению спиртными напитками [2, л. 29].

Таким образом, можно сделать следующие основные выводы:

— в первой половине 1980-х гг. и в Омске, и в Новосибирске имелись как положительные, так и отрицательные примеры борьбы со злоупотреблением спиртными напитками среди всех категорий несовершеннолетних;

— тем не менее, в целом ситуация развивалась неблагоприятным образом;

— во многом это объясняется тем, что и в учебных заведениях, и по месту работы всё в большей степени стали обращать внимание на показатели формальной успешности, игнорируя при этом значительную часть нарушений дисциплины и порядка.

Часто меры воздействия к несовершеннолетним, допустившим злоупотребление спиртными напитками, применялись несвоевременно и неполно. Необходимо обратить внимание на тот факт, что требовательность к самим несовершеннолетним, а также всем, кто мог бы на них повлиять, предписывавшаяся в решениях органов власти и административных комиссий, на практике была далека от этого идеала. Серьёзными преградами, не позволившими его повысить, были несогласованность работы учреждений в целом, местничество, бюрократизм, наплевательство, отписки, сокращение количества и падение качества антиалкогольной и правовой пропаганды, ухудшение досуга, неподкрепление во многих случаях мер полицейского характера контролем поведения несовершеннолетних после освобождения или установления факта административного правонарушения, отсутствие вообще специального внимания к этой категории и стремление «выпихнуть» всех неудобных для отчётности несовершеннолетних из своей зоны ответственности поскорее у всех организаций, что способствовало росту числа таковых, бывших полностью вне контроля. По бюрократическим законам инициатива наказания, что вполне объясняет редкость случаев информирования силовых структур учебными заведениями о выбытии учащихся, предприятиями и организациями спецмониторинга об отсутствии и правонарушениях работающих, поскольку ответственные за это чиновники обоснованно опасались, что другие аппаратчики просто завалят их требованиями написания отчётов, объяснений, как всё это могло быть допущено, почему вовремя ничего не сделано, натравят на них проверяющих, «обвинительных журналистов», вышестоящие инстанции, и т.д. и т.п. Причём все эти и другие недостатки фиксировались в решениях и актах проверок, ставились на вид, но всё равно годами ничего не менялось. Возможно,

наконец, что соответствующие администраторы просто предпочли не утруждать себя таким информированием.

Библиографический список

1. ГИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 4486.
2. ГИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 4687.
3. ГИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 4757.
4. ГАНО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 1972.
5. ГАНО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 1882.
6. ГИАОО. Ф. 235. Оп. 2. Д. 4689.
7. Только ли подросток виноват // Омская правда. — 1974. — 10 февраля. — № 35. — С. 2.

8. Цена равнодушия // Омская правда. — 1976. — 11 апреля. — № 86. — С. 2.
9. ГАНО. Ф. 22. Оп. 44. Д. 76. Л. 8.
10. Червоточина // Омская правда. — 1974. — 13 марта. — № 60. — С. 2.
11. Будет ли тепло // Омская правда. — 1974. — 10 августа. — № 186. — С. 2.
12. ГАНО. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 1947.

ДОРОШЕНКО Андрей Витальевич, аспирант кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: 644050, г. Омск, пр. Мира, 11.

Статья поступила в редакцию 14.05.2012 г.

© А. В. Дорошенко

УДК 94(57)

О. А. ЕСИН

Омский государственный педагогический университет

ОБРАЗ ЕРМАКА В РУССКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В статье затронута одна из наиболее актуальных проблем сибирской истории, связанная с личностью известного первопроходца. Проблема реконструирования образа Ермака в консервативной публицистике второй половины XIX в. позволяет выявить те идеи и смыслы, которые транслировали посредством периодики официально настроенные круги русского общества. Изучение транслируемого образа позволяет глубже понять историческое сознание и культурную память русского общества второй половины XIX в.

Ключевые слова: исторический образ, Ермак, русский консерватизм, периодическая печать.

Тема присоединения и освоения Сибири, и как следствие, вопрос о личности одной из самых одиозных фигур начального этапа движения русских на восток — Ермака, входит в число наиболее актуальных и проблемных в российской истории. Весьма интересной в этом плане представляется вторая половина XIX в., отличавшаяся весьма бурной активностью общественных и политических движений. Один из главных показателей этой активности — жизнедеятельность периодической печати. Журналы и газеты не только выражали позиции и мнения определенных общественных групп, но и консолидировали вокруг себя сторонников того или иного политического направления, способствуя политической идентификации современников; выступали посредниками между столицами и провинциями, между интеллектуалами-просветителями и читателями-неофитами, являлись основой для образования политических партий [1, с. 4]. Если первоначально, в 1850 — 1880-х гг., на лидирующих позициях были «толстые журналы», то затем распространение грамотности, «всеобщего обучения» сказалось на росте популярности газет [2].

Специального труда, посвященного анализу личности Ермака, в консервативной печати второй половины XIX в. нет. Однако в исследованиях А. В. Ремнёва, Я. С. Зубовой, Н. Н. Родигиной затрагивается

вопрос о специфике отражения в публицистике взглядов и представлений, существовавших по поводу присоединения Сибири, а также отдельные аспекты интересующего нас образа. Я. С. Зубова, исследуя, как освещалось вхождение Сибири в состав России в работах русских историков XIX в., останавливаясь подробно на историках «официального» направления [3]. В работах А. В. Ремнёва поднимается широкий круг вопросов, связанных с отражением в культурной памяти событий, связанных с экспедицией атамана, в том числе косвенно затрагивается и вопрос о личности самого Ермака. Историк отдает приоритет изучению образа Ермака в общественном мнении и массовом сознании россиян XIX столетия, отмечая те смыслы, которые вкладывали различные слои общества в создаваемый ими образ [4]. Проблеме отражения образа Сибири на страницах журнальной печати посвящена работа Н. Н. Родигиной. Автор, опираясь на широкий круг источников, отмечает, что каждый из источников формирует свой образ Сибири. Ценными для нас представляются исследования и выводы автора, касающиеся особенности журналов как исторических источников, изучение адресантов сибирского журнального дискурса второй половины XIX в. и упоминания о Ермаке, как об одной из значимых фигур на страницах журналов в изучаемый период [1].

Цель данной статьи — выявить образ Ермака в консервативной периодической печати второй половины XIX столетия. Образ представляет собой субъективное восприятие предметов объективной реальности. На его формирование влияют культурные, нравственные установки, ценности, приоритеты. Исходя из этого, под «образом исторической личности» мы понимаем систему взглядов на историческую личность, формирующуюся на разных уровнях сознания, закодированную в символах и обладающую свойством вписываться в широкий ассоциативный ряд. Особенности образа исторической личности выступают: противоречивость, вписанность в контекст какой-либо идеи, устойчивость и символичность отражения в сознании. При таком подходе дефиниция «образ Ермака» включает в себя вопрос о его внешности и происхождении, его личных качествах, взаимоотношениях с дружиной и местным населением и пр.

Интерес к определённым моментам сибирской истории, в том числе и к проблеме личности Ермака, нашел отражение в освещении тех или иных событий на страницах пореформенных журналов и газет. Предпринятый нами пилотный, а затем и фронтальный просмотр ведущих консервативных журналов и газет, позволил остановиться на следующих изданиях, проявивших достаточно устойчивый интерес к покорению Сибири Ермаком во второй половине XIX в.: «Журнал министерства народного просвещения», «Русский вестник» и газете «Московские ведомости»

В восприятии консерваторами общественных процессов второй половины XIX в., можно выделить основные характерные черты: недовольство итогами Великих реформ, определенные надежды, связанные с Восточным вопросом, с поворотом государственной политики после 1 марта 1881 г., и, наконец, разочарование в проводившихся правительством «контрреформах». В этих условиях перед консервативной печатью ставились определенные задачи. Не способные — в силу своей относительной элитарности — конкурировать с прочими, консервативные издания должны были «превратить качество в количество». Другой своей задачей консерваторы считали оформление национальной идеологии в виде целостной светской идеалистической философской системы [5].

В рассмотрении проблемы личности Ермака на страницах консервативной печати можно выделить два периода:

1) 1850 — 1880-е гг., когда Ермаку уделяется весьма незначительное внимание, а сама проблема личности атамана рассматривается в контексте проблемы продвижения русского государства на восток или как часть истории казачества;

2) 1880 — 1900-е гг., когда появляются работы, посвященные непосредственно Ермаку. В них затрагивались отдельные аспекты изучаемого нами образа: происхождение Ермака, черты характера, внешность, оценка его деяний на земле Сибирской и пр.

Первые упоминания о Ермаке на страницах консервативной периодики можно отнести к 1850-м гг. В статьях ученика вологодской гимназии А. Юдицкого, увидевшей свет в «Журнале Министерства Народного Просвещения» [6], а также в статье «Распространение христианства в Пермской губернии» архимандрита Макария [7] известия об атамане встречаются при рассмотрении деятельности Строгановых. Авторы в большей степени волновали другие проблемы: продвижение русского государства и христианства на восток, вопрос о личности оставался вне

поля их зрения. Для нас данные публикации важны как подтверждение популярности Ермака в общественной мысли изучаемой эпохи. Они свидетельствуют о том, что не только столичные историки и известные публицисты обращались к анализу его жизни и деятельности, но и провинциальные гимназисты интересовались отдельными аспектами его деятельности.

Из других публикаций, увидевших свет до 1880 г., стоит отметить статьи А. Г. Рябинина и М. Венюкова, которые при характеристике проникновения русских в Азию упоминают имя Ермака. А. Г. Рябинин, опираясь на статейные списки, называет покорителей Сибири «ворскими казаками», т.е. людьми, бежавшими по различным причинам в Поволжье, где они либо примыкали к жившим здесь казакам, либо сбивались в шайки и грабили богатых купцов на Волге и Каме [8]. М. Венюков останавливается на причинах быстрого успеха экспедиции волжского атамана. Одной из главных причин автор называет «беззаветную удаль» самих казаков, а также покровительство московского правительства, которое «не стесняло» завоевателей. Ермака автор ставит вровень с другими первопроходцами и характеризует их как «способных и энергичных личностей» [9]. В целом, оба исследователя трактуют присоединение Сибири в рамках идеи о решающем вкладе государства в колонизационном движении на восток, что предопределяет незначительный интерес к личности Ермака.

Более активно интерес к истории покорения Сибири и к личности атамана начинает проявляться начиная с 1880 г., что объясняется, прежде всего, празднованием трехсотлетия вхождения Сибири в состав России. Юбилей давал повод видным общественным и государственным деятелям указать на отсталость Сибири, заявить о ее нуждах, в то же время со стороны официальных властей празднование юбилея осмысливалась не только как средство ценностного отношения к прошлому, но и как способ современной политической мобилизации и целеполагания будущего, что проявилось наиболее явно в дискуссиях о выборе даты юбилея и вкладе Ермака в присоединение региона [9, с. 37].

В 1881 г. в «Русском вестнике» выходит статья историка М. П. Пуцилло, целиком посвященная личности атамана [10]. Автор опирается на летописные источники, работы историков, затрагивавших проблему присоединения Сибири, а также памятники народной поэзии. Главным вопросом в данной статье выступает вопрос о происхождении легендарного атамана. Называя Ермака «народным героем», автор обосновывает это тем, что в народных преданиях и песнях Ермак зачастую выступает как своеобразный мифический герой, родственные связи которого прослеживаются с популярными былинными героями: Ильёй Муромцем, Владимиром Красное Солнышко и т.д. М. П. Пуцилло отмечает запутанность и противоречивость информации, получаемой из источников, приводя в доказательство этому тезису три различных версии о происхождении имени Ермак [10, с. 276]. Сам исследователь сосредотачивает внимание на тех общих сведениях, которые повторяются во всех свидетельствах об атамане. М. П. Пуцилло указывает на то, что во всех источниках Ермак выступает как казак, атаман казаков, при этом отмечая, что слово «казак» в летописях имеет другой смысл, нежели в него вкладывают исследователи: «В XVI столетии слово «казак» было тождественно с гулящим человеком, бродягой» [10, с. 285]. Автор,

в духе традиций современной ему историографии, утверждает, что гулящими назывались люди, которые были не записаны в тягло, то есть оставшиеся совершенно свободными. По мнению М. П. Пуцилло, из таких людей и происходил знаменитый атаман. Стоит отметить, что, несмотря на подробное изложение проблем, связанных с интерпретацией прозвища Ермак, а также на освещение ряда вопросов, связанных с происхождением атамана, в работе не затронут вопрос о личных качествах, характеристиках Ермака, его поступках и деятельности.

В статье историка А. И. Никитского также поднимается вопрос о происхождении имени Ермак. Исследователь называет Ермака «главным деятелем события» присоединения Сибири, отмечая, что «не только звание, не только происхождение, но и само имя его до сих пор остается не разъясненным». Автор отмечает противоречивость сведений летописей по исследуемому им вопросу и то, что историки в своих трудах либо игнорируют данную проблему вообще, либо просто следуют какому-либо из общепринятых известий. Опираясь на новый источник — Новгородские писцовые книги, А. И. Никитский выдвигает версию, что имя Ермак — никакое не прозвище, а «есть действительно настоящее христианское имя», возможно искаженная производная от имени Ермолай, но тем не менее вполне самостоятельное [11].

В этот же период на страницах «Журнала Министерства Народного Просвещения» отметился статьей о походе Ермака известный историк литературы Л. Н. Майков [12]. Главной проблемой, занимавшей автора, являлась проблема датировки событий похода в связи с празднованием 300-летия присоединения Сибири. Главными источниками у исследователя выступают: царская грамота Строгановым по поводу посылки казаков в Сибирь, Строгановская, Есиповская и Кунгурская летописи. Говоря о достоверности того или иного источника, Л. Н. Майков отмечает, что наиболее достоверным из летописей представляются сообщения Строгановской летописи как самого раннего источника [12, с. 246]. Вопрос о личности Ермака автор рассматривает в контексте проблемы датировки основных событий похода, отмечая, что инициаторами похода выступили Строгановы (автор ссылается на Строгановскую летопись) [12, с. 236]; и то, что при занятии столицы Сибири Ермак не сразу отправил посольство к Строгановым и царю, а желал укрепиться на занятых позициях. Автор объясняет это нерешительностью атамана, сомневающегося в том, что данного успеха хватит для оправдания перед царем и Строгановыми [12, с. 242].

В 1882 г. в «Московских ведомостях» появляется статья, посвященная трехсотлетию вхождения Сибири в состав Российского государства [13]. Касаясь вопроса о составе экспедиции, автор статьи отмечает, что завоевание Сибири — дело «горсти тогдашней вольности, беглых из разных мест. Люди..., которые под именем казаков бродили на окраинах государства... люди, жившие без закона, пробавлявшиеся набегом и грабежом, не всегда разбирая своих и чужих» [13, с. 644]. Однако при такой неоднозначной характеристике в статье поднимается вопрос о моральных, нравственных качествах этой «вольницы», которые, по мнению автора, несмотря ни на что были на высоком уровне: «...эта вольница, эти полуразбойники отнюдь не были теми, что называются мятежниками и каторжниками. При первом зове на Государеву службу, они явились, готовые идти на всякую опасность...» [13, с. 645]. Параллельно, как мы видим, решался и вопрос об инициаторах похода,

которым выступил государь, «призвавший» на службу казаков. Желая показать величие подвига казаков, автор сравнивает покорение Сибири с такими знаменательными событиями, как взятие Казанского и Астраханского царств, показывая, что в Сибири казакам «бороться приходилось с теми ордами, которые когда-то заполнили наше отечество, и притом фанатизированными мусульманами» [13, с. 645]. Имя Ермака автор статьи упоминает в основном в контексте описания экспедиции, не концентрируя особого внимания на характеристике личности атамана. В статье Ермак неотделим от остальных казаков, все те качества, которыми наделяются простые «войны», в равной степени относятся и к самому атаману. Во многом это определено тем, что в дружине Ермака автор статьи видит воплощение русского народа, его духа — бескорыстие, пренебрежение опасностью, готовность умереть за правое дело и за Бога. Главным же итогом «священного подвига» Ермака в статье провозглашается то, что Сибирь превратилась в неотъемлемую часть России [13, с. 646]. В целом, отметим явно публицистический характер данной статьи, где преобладающим выступает желание показать поход Ермака не как простой набег, а как полноценный военный поход, подвиг, в котором сплетались мотивы народного героизма, борьбы за государство и веру.

Обстоятельным трудом о присоединении и освоении Сибири отметился известный историк Е. Е. Замысловский [14]. Приписывая инициативу похода Строгановым, он отмечает, что замысел похода зрел у Строгановых и у Ивана IV достаточно давно, казаки же выступили орудием исполнения данной идеи. При этом Е. Е. Замысловский акцентирует внимание на храбрости казаков и их желании «за истинную православную веру пострадать и благочестивому царю... послужить» [14, с. 396]. Характеризуя личность Ермака, Е. Е. Замысловский, называет его «велеумным атаманом», отмечает его «доблести, которыми он отличался», его «отвагу и энергию, осторожность и расчетливость, умение начальствовать над людьми...» [14, с. 398]. Автор полагает, что Ермак не просто хотел завоевать Сибирь, не просто хотел нажиться на экспедиции, грабя местное население: он хотел «прочного завоевания царства» [14, с. 398].

В 90-х гг. XIX в. обширную статью о деятельности Строгановых опубликовал видный историк, исследователь Пермского края А. А. Дмитриев [15]. В вопросе о личности Ермака автор придерживается версии о волжских корнях, и традиционно для данной версии передает предание, что атаман был «силен и велеречив, и остр...» [15, с. 26]. В целом, автор в центр повествования ставит действия Строгановых и их взаимоотношения с царем. Организацию похода автор целиком отводит Строгановым, отмечая, что «если весь сибирский поход был делом самих казаков, без всякого участия Строгановых... то почему Строгановы... безропотно отказались от всех прав на данные им обширные земли в Сибири... отказались от этого богатства, лежащего под их ногами...» [15, с. 45].

В этот же период публикацией по вопросу о личности Ермака и присоединению Сибири к России отмечается на страницах «Русского вестника» Д. И. Иловайский [16]. Ценным является дополнение к статье, в которой автор подробно останавливается на сообщениях источников относительно трех проблем: происхождение хана Кучума, начальной истории рода Строгановых и происхождении Ермака. Освещая последний вопрос, Д. И. Иловайский показывает

неоднозначность суждений о происхождении атамана в исторической литературе: автор выделяет позицию Н. М. Карамзина, опровергавшего известие о суздальском происхождении Ермака, и противостоящую указанной позиции П. И. Небольсина и М. П. Пуцилло, доверявшим этому сообщению. Отмечает Д. И. Иловайский и позицию Броневского, который, ссылаясь на неизвестный источник, называл Ермака уроженцем Кагалинской столицы на Дону и назначении его на юго-восточную пограничную службу, откуда он бежал разбойничать на Волгу. Указывая, что такая трактовка событий не отражена ни в одном известном источнике, Д. И. Иловайский поддерживает версию происхождения Ермака с Волги, отмечая часто встречаемое поименование Ермака «повольским». Касается исследователь и вопроса об этимологии слова «Ермак», считая, что это было настоящее имя атамана, так как оно часто встречается в различных грамотах и актах Древней Руси [16, с. 38–39].

Подводя итоги, можно отметить, что в 1850–1870-е гг. проблема личности Ермака не являлась самоценной и самодостаточной для консервативной публицистики. С 1880-х гг., в связи с празднованием 300-летия присоединения Сибири, интерес к этому вопросу, как самостоятельная проблема, находит отражение на страницах консервативных журналов и газет.

В вопросе о происхождении имени Ермак авторы разделились на две группы: слово «Ермак» произошло от имени христианского имени (Герман или Ермолай), либо это прозвище, связанное с родом деятельности атамана в бытность его хождений на стругах по Волге и Каме.

Рассматривая вклад атамана в дело присоединения Сибири, большинство авторов отдают решающую роль промышленникам Строгановым (либо непосредственно им, либо они выступали как правая рука царя на востоке), казаков же характеризовали как героев, храбрецов, послуживших государству, готовых умереть за дело царя и не искавших личных выгод. Личность самого атамана в большинстве статей сливалась с общей массой казаков: личные качества, придаваемые всему отряду, проецировались и на Ермака, однако в ряде работ дается и более подробная характеристика личности атамана (Е. Е. Замысловский, А. И. Никитский) и отделение его от подчиненных ему казаков. Здесь Ермак наделяется такими качествами, как ум, находчивость, талант стратега, доблесть, осторожность и расчетливость. Авторы единодушны в вопросе о разбойном прошлом покорителя Сибири. Весьма четко прослеживается мотив «государственной службы»: Ермак, благодаря своему желанию, талантам, верности царю и Богу, сумел, несмотря на свое прошлое, послужить государству, тем самым вписав свое имя в историю.

Таким образом, в консервативной публицистике создается образ Ермака — помощника Строгановых и русского царя в деле присоединения Сибири, искупившего свои грехи благим делом и пролитой кровью. Но, хотя вклад его значителен, а личные каче-

ства незаурядны, он, прежде всего, был слугой своего государства, слугой своего царя.

Библиографический список

1. Родигина, Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX в. / Н. Н. Родигина. — Новосибирск, 2006. — 471 с.
2. Махонина, С. Я. История русской журналистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text1/90.htm> (дата обращения: 01.01.2011).
3. Зубова, Я. С. История колонизации и хозяйственного освоения Урала и Зауралья русскими в официально-либеральной историографии XVIII—начала XX века / Я. С. Зубова // Вестник ТГПИ. — 2003. — Вып. 9. — С. 62–74.
4. Ремнёв, А. В. 300-летие присоединения Сибири к России: в ожидании «нового исторического периода» / А. В. Ремнёв // Культурологические исследования в Сибири. — Омск, 2007. — № 1. — С. 34–50.
5. Котов, А. Э. Проблема государственного строительства в русской консервативной печати 70–90-х гг. XIX в.: автореф. канд. ... ист. наук / А. Э. Котов. — СПб., 2006. — С. 19.
6. Юдицкий, А. Строгановы и Сольвычегорск / А. Юдицкий // Журнал Министерства народного просвещения. — 1852. — Т. 75. — С. 17–25.
7. Архим. Макарий. Распространение христианской веры в пределах Пермской епархии / Архим. Макарий // Журнал Министерства народного просвещения. — 1857. — Т. 93. — С. 225–280.
8. Рябинин, А. Г. Яицкое казачество / А. Г. Рябинин // Русский вестник. — 1863. — Т. 46. — С. 314.
9. Венюков, М. Поступательное движение России в Азии / М. Венюков // Русский вестник. — 1877. — Т. 127. — С. 220.
10. Пуцилло, М. П. К вопросу, кто был Ермак Тимофеев, покоритель Сибири / М. П. Пуцилло // Русский вестник. — 1881. — Т. 156. — С. 275–283.
11. Никитский, А. И. Заметка о происхождении имени Ермака / А. И. Никитский // Журнал Министерства народного просвещения. — 1882. — Т. 221. — С. 293.
12. Майков, Л. Н. Хронологические справки по поводу трехсотлетней годовщины присоединения Сибири к русской державе / Л. Н. Майков // Журнал Министерства народного просвещения. — 1881. — Т. 217. — С. 229–244.
13. Празднование 300-летия присоединения Сибири // Собрание передовых статей «Московских ведомостей». — 1882. — С. 644–646.
14. Замысловский, Е. Е. Занятие русскими Сибири / Е. Е. Замысловский // Журнал Министерства народного просвещения. — 1882. — Т. 225. — С. 383–410.
15. Дмитриев, А. А. Роль Строгановых в покорении Сибири / А. А. Дмитриев // Журнал министерства народного просвещения. — 1894. — Т. 291. — С. 13–74.
16. Иловайский, Д. И. Ермак и покорение Сибири / Д. И. Иловайский // Русский вестник. — 1889. — № 9. — С. 3–39.

ЕСИН Олег Александрович, аспирант кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: olegesin2010@ya.ru

Статья поступила в редакцию 30.03.2012 г.

© О. А. Есин

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА АТЕИЗМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В данной статье дается обзор основных идей русской религиозной философии конца XIX — начала XX века. Автор ставит перед собой задачу раскрыть влияние русских религиозных философов сначала на русскую интеллигенцию рубежа эпох, а впоследствии и на формирование концепта атеизма в советской историографии.

Ключевые слова: атеизм, русская религиозная философия, историография советская, марксизм.

Статья написана при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, государственный контракт 14.740.11.1306.

В советской историографии, а вслед за ней и в современной интеллектуальной традиции, укоренилось понимание марксизма в целом и вытекающего из него атеизма в частности как явления, обособленного от дореволюционной культурной парадигмы. Предшественниками советских теоретиков марксизма признавались лишь непосредственно К. Маркс и Ф. Энгельс. Однако это представляется нам упрощением. Несмотря на коренные изменения, произошедшие после Октябрьской революции, мы не можем говорить об окончательном разрыве в понимании атеизма и религии дореволюционных и советских авторов. Скорее имеет место разнофакторное влияние, определившее в итоге основные черты понятия «атеизм» в советском обществе. Включить в эту мозаику русскую религиозную философию, как один из элементов формирования концепта атеизма в советской историографии, и есть главная цель данной работы.

Русская религиозная философия конца XIX — начала XX вв. была одним из ярчайших фрагментов общественной мысли России, оказавшим существенное влияние не только на отечественную, но и мировую философскую мысль. Этот мощнейший импульс, недооцененный в советской науке, тем не менее, оказал влияние и на советскую интеллектуальную традицию. Идеи богоискательства и человекобожия русской интеллигенции начала XX века не могли кануть в революции 1917 года бесследно, представляя важный материал для понимания советской мировоззренческой модели.

Различные по целому ряду идей, философские системы, рассматриваемые в данной статье, имеют ряд сходств. Большинство авторов сходилось в том, что нравственное совершенствование — это «обожение» человека. Богопознание в этих системах — путь преображения жизни. Праведная жизнь представляется высшей нормой, не нуждающейся в теоретических обоснованиях, нравственность утверждается только личным примером. Соответственно, божественные истины — не столько теоретические выкладки, имеет место постоянное желание жить «по

правде божьей». А отсюда и постоянные поиски социальной правды, преобразования общества на принципах социальной справедливости. Идея построения бесклассового общества на принципах социальной справедливости являлась и программной задачей марксизма.

Еще одна интересная особенность русской религиозно-философской мысли — идея соборности, вытекающая из размытости христианского богословия. То есть унификаторские тенденции неизбежно соседствуют с индивидуальным пониманием каждого верующего. При этом соборность и идеал, закрепившийся позднее в социализме, имеют целый ряд различий. Несмотря на примат общественного над личным в обеих системах, важно то, что соборность предполагает вывод индивида на новый уровень самосознания путем вбирания в себя полноты чужих индивидуальностей. Коллективизм советского образца, наоборот, приводит к растворению личного в общественном [1].

Одной из ключевых фигур русской религиозной философии является, несомненно, Владимир Соловьёв. Именно с него исследователи начинают описание духовного подъема конца XIX — начала XX вв., явившегося ответом на банкротство западной философии и обращением к религиозно-философскому мировоззрению на базе православия [2]. Одной из центральных тем философии Соловьёва была идея о всеединстве, которую он разрабатывает, начиная еще со своей магистерской диссертации «Кризис западной философии (против позитивистов)» [3]. Сама идея всеединства восходит к представлению о том, что человеческое развитие происходит благодаря действию трех сил: первая стремится подчинить личность общественному импульсу; вторая исходит из желания обособления, примата частного над общественным; третья же совмещает в себе первые два импульса. Этой силой обладает русский народ [4]. Всеединство — это дух, который связывает элементы природы и духовные миры, который связывает общество и нас с высшим, единым Началом. И когда люди берут какую-либо одну часть бытия всееди-

ного, значительная часть жизненных явлений просто выпадает из нашего фокуса. Поэтому рассудочное познание, ставшее отвлеченным, оторванным от бытия, в конце концов терпит поражение [5]. Из данной идеи вытекает и важнейший для нас вывод: раз человеческое знание связано с триединством науки, философии и теологии, то материализм как система оказывается ущербным, хотя и имеет практическое значение в деле развития науки. Важные для нашей работы выводы дает размышление Соловьёва о социализме, имеющем, с точки зрения русского философа, существенный недостаток — стремлении быть именно мировоззрением, осуществлять руководство жизнью [6].

Еще одним видным религиозным философом, значение которого начинают осознавать только сейчас, являлся Н. Ф. Фёдоров, поставивший под сомнение идею превосходящей значимости мистерии в сравнении с практической деятельностью человека. Его философия имеет сугубо практический оттенок, связанный с убеждением в возможность рационально регулировать и управлять всей жизнью мира, без всякой иррациональной составляющей [7]. Фёдоров вносит в христианство активный антропологизм. Он радикально восстает против той пассивности человека, которая в православии была возведена почти в догмат. Пассивное отношение к природе он считает язычеством, поскольку сама природа бессознательна и нецелесообразна [8]. К природе возможно лишь практически-активное, хозяйственное отношение. На природу Фёдоров смотрит глазами практика-хозяина, устроителя жизни, предвосхищая, таким образом, марксистский пафос возвышения человека над природой.

Схожие представления характерны для анализа Фёдоровым процесса познания, для которого он не допускает идеи чистого мышления. Познание достигается активностью всего человеческого существа. В сущности, Фёдоров провозглашает конец философии и начало дела. В своем требовании замены философии делом Фёдоров опять сближается с Марксом и Энгельсом, которые тоже провозгласили конец философии. Для Фёдорова было неприемлемо познание духовной действительности внутри человека. Он обращен к внешнему миру, как позитивист, наивный реалист и натуралист [9]. Трудовая научная техника по Фёдорову нужнее благодатной мистерии. Он не принимает дарового спасения, в чем опять же близко подходит к получившим в СССР активное развитие идеям о том, что «мы наш, мы новый мир построим». Таким образом, религиозный по своей сути философ выступает как наиболее близкий к марксизму философ, заявляющий не просто об активной деятельности человека, но и о построении здесь, на земле, «посюстороннего» или, если угодно, «трудового рая».

Начало XX в., ознаменовавшееся мощнейшим кризисом модернистского проекта западной цивилизации, дало толчок дальнейшему развитию русской религиозной философии, одним из самых ярких представителей которой стал Н. А. Бердяев. Размышляя о специфике марксизма в России, он приходит к выводу об особом характере данного учения на русской почве, обусловленном спецификой русской ментальности, мессианскими устремлениями русского народа [10]. В работе «Истоки и смысл русского коммунизма» Бердяев подчеркивает, что партия В.И. Ленина создает на базе западного марксизма специфическую религиозную доктрину, эксплуатирующую мессианское сознание народа и его религиозность [10, с. 118]. Социализм в России

всегда носил религиозный характер, даже когда был атеистическим [11]. Тем более что многие представители русской религиозной философии пришли к идеализму через марксизм, приходя в итоге к богоискательству. Марксизм в России был не просто переведен с немецкого на русский — он был перекодирован под русскую ментальность, адаптирован в условиях отсталой аграрной в большинстве своем страны. Коммунисты, пришедшие к власти, были ближе к народникам и Ткачёву, нежели к Плеханову, и уж тем более к Марксу и Энгельсу.

Большой интерес, с точки зрения нашей работы, имеет более поздний взгляд Бердяева на советский марксизм, очерченный в работе «Царство Духа и царство Кесаря» [12]. Здесь марксизм предстает не просто религиозным учением, но ортодоксальной его крайностью, не терпящей разночтений и пересмотра канона. Ему свойственен схоластический реализм понятий, хотя марксисты, утверждая себя материалистами, не хотят этого признать. Марксистский пролетариат есть построение мысли и лишь в мысли существует. С другой стороны, от Г. Гегеля досталась ему идея осмысленности исторического процесса, который в результате принесет марксизму победу.

В итоге Бердяев перечисляет признаки религии, которые, несомненно, присутствуют в марксизме советского образца: строгая догматическая система, разделение на ортодоксию и ересь, неизменяемость философии науки, священное писание Маркса, Энгельса, Ленина, не подвергаемое сомнению; разделение мира на две части — верующих (в марксизм) и неверующих-неверных; иерархически организованная коммунистическая церковь с директивами сверху; тоталитаризм, свойственный лишь религиям; фанатизм верующих; отлучение и расстрел еретиков; недопущение секуляризации внутри коллектива верующих; признание первородного греха (эксплуатации) [12, с. 339–340].

Пожалуй, наиболее спорным и выбивающимся из общего ряда русских религиозных философов являлся С. Н. Булгаков. С одной стороны, его философия сильно отличается от богочеловеческого пафоса своих предшественников, и человек в ней представляется в роли пассивной по отношению к Богу. С другой же — увлечение марксизмом, отторжение которого как раз и привело Булгакова на идеалистические позиции, Бердяев считал хрестоматийным [13]. Собственно, одной из важнейших черт, также выделяемых Бердяевым в философии Булгакова, — внесение в православное мировоззрение остатков былого марксизма, попытка отстраниться от русской интеллигенции при сохранении своих интеллигентских черт. Подобное миропонимание, соединяющее в себе черты систем противоположных, ведет к дуализму Булгакова как философа. Он всегда колеблется между крайними формами — аскетизм, с одной стороны, и позитивистская наука — с другой [14]. Отсюда и разрыв между человеком и Богом — фактически они трансцендентны друг другу. Эта трансцендентность унаследована Булгаковым как раз от позитивизма и марксизма. Из невозможности богочеловеческого соединения, пафосом которого были пропитаны работы других религиозных философов, выходит и иное восприятие места человека в мире. Здесь мы видим смирение, пассивное приятие мира вследствие того, что творческое начало, миром управляющее, трансцендентно человеку. Мир ниспослан нам за грехи и, соответственно, должен быть принят таким, как есть. И эта идея очень не характерна ни для человекобожия религиозных филосо-

фов, ни для материалистов-безбожников. Булгаков избирает третий путь смирения перед миром, для него вообще не характерен пафос человеческого творчества [13, с. 174].

Интересна интерпретация Булгаковым социализма и марксизма, поскольку тут можно наблюдать взгляд как изнутри, так и извне. Социализм он воспринимал как грозный, но неотвратимый вызов времени, стоящий перед Россией [15]. В труде, посвященном этому явлению, интересно уже название: «Душа социализма», которое должно натолкнуть читателя на размышление о его природе. Булгаков считает, что социализм — это, в первую очередь, мировоззрение, мироощущение, тогда как социально-экономическая теория выступает лишь верхушкой айсберга. Душа социализма отличается социологизмом (выходящим из родового характера человека) и экономизмом (зависимостью человека от природы). Однако хозяйственная деятельность человека — не только корысть и борьба за выживание, в ней происходит творчески-художественное признание человека, стремление к развитию. В целом, марксизм оценивается Булгаковым негативно, любовь к ближнему, как главная христианская ценность, подменяется классовыми интересами, и в этом видится философу большая опасность [15, с. 563–564]. Классовые интересы порождают классовую же ненависть. В этом опасении Булгакова уже читаются ужасы братоубийства и террор Гражданской войны.

Одной из сквозных тем его творчества была трагедия русской интеллигенции. Отшатнувшись от монархизма, РПЦ и, соответственно, официального православия, интеллигенция вынуждена была искать другое мировоззрение, и нашла его в позитивизме и марксизме. Их неверие — это фактически вера в научность [16]. Для философа это не представляется откровением, ведь, упразднив Бога, человек изобретает себе новый предмет веры. Хотя в этом в принципе нет никакого противоречия, поскольку создатель и главный идеолог позитивизма О. Конт в итоге пришел к созданию позитивной религии, основанной на вере в науку.

Однако О. Конт и Л. Фейербах, поставившие на место Бога человека, стояли еще на позициях альтруизма, любви к ближнему и желания приносить пользу, вытекающих из христианской морали. Последующее же развитие этих взглядов окончательно привело к ее отрицанию, а затем и к глубочайшему духовному кризису, который наиболее остро проявился в России [16, с. 37]. Усугублялся он еще одним обстоятельством. Социалистические ценности Запада многие представители интеллигенции не разделяли в силу отрицания ими христианской морали, православие воспринималось лишь как рабское богослужение и оправдание режима [17]. В итоге многие вставали на позиции богоборчества, внутренне его не поддерживая, сохраняя стремление к Граду грядущему, чувство покаяния (теперь социального).

И последняя черта русской интеллигенции, негативно воспринимаемая Булгаковым, — максимализм, граничащий с одержимостью [18]. Социалисты же понимают свой идеал как надисторическую ценность, до нее надо совершить поистине героический прыжок. Интеллигентский героизм характерен узурпацией ответственности, явно большей, чем следовало. А следствием из этого положения была историческая нетерпимость, повлекшая за собой катаклизмы Гражданской войны, пафос «штурмов небес» и т.д.

Таким образом, русская религиозная философия дает нам не только ключ к более полному пониманию культурного поля, из которого впоследствии вышел советский атеизм, но и позволяет взглянуть на марксизм и атеизм с позиций, атеизму противоположных. Несмотря на многочисленные заявления о преодолении советским марксизмом предыдущей интеллектуальной традиции и внешнего несоответствия богоборческих и религиозно-философских устремлений, эти системы имеют общие черты: это, несомненно, утопизм, максимализм, общая среда — русская интеллигенция рубежа веков, мотив свободы, творческий пафос, идея преобразования мира и многое другое. Обращение к идеям русского религиозного ренессанса позволяет нам лучше понять факторы, влияющие на формирование советского атеизма именно как концепта, одной из составных частей которого они, несомненно, являлись.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. — Л. : Лениздат, 1991. — С. 226.
2. Шапошников, Л. Е. Русская религиозная философия XIX–XX вв. / Л. Е. Шапошников. — Нижний Новгород : Волго-Вятское кн. изд-во, 1992. — С. 101–102.
3. Соловьёв, В. С. Кризис западной философии (против позитивистов) / В. С. Соловьёв // Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. — СПб. : Просвещение, 1911. — С. 27–152.
4. Соловьёв, В. С. Три силы / В. С. Соловьёв // Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. — СПб. : Просвещение, 1911. — С. 227–240.
5. Мень, А. Владимир Сергеевич Соловьёв / Александр Мень // Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. Лекции и беседы. — М. : Фонд им. Александра Менья, 1995. — С. 453.
6. Соловьёв, В. С. Россия и Европа / В. С. Соловьёв // Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. — СПб. : Просвещение, 1913. — С. 97.
7. Фёдоров, Н. Ф. Философия общего дела / Н. Ф. Фёдоров. — М. : Эксмо, 2008. — С. 162.
8. Бердяев, Н. А. Религия воскресения (Философия общего дела Н. Ф. Фёдорова) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1916_249.html (дата обращения: 27.03.2012).
9. Гиппиус, З. Воспоминания о религиозно-философских собраниях / Зинаида Гиппиус // Наше наследие. — 1990. — № 4. — С. 68.
10. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — М. : Наука, 1990. — С. 8.
11. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века; Судьба России : сб. — М. : Сварог и Ко, 1997. — С. 87.
12. Бердяев, Н. А. Царство Духа и Царство Кесаря / Н. А. Бердяев. — М. : Республика, 1995. — С. 337–339.
13. Бердяев, Н. А. Мутные лики (Типы религиозной мысли в России) / Н. А. Бердяев. — М. : Канон+, 2004. — С. 182.
14. Евлампиев, И. И. Религиозный идеализм С. Н. Булгакова: «за» и «против» / И. И. Евлампиев // С. Н. Булгаков: pro et contra. Антология. В 2 т. Т. 1. — СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2003. — С. 7–9.
15. Булгаков, С. Н. Душа социализма / С. Н. Булгаков // Избранное. — М. : РОССПЭН, 2010. — С. 542.
16. Булгаков, С. Н. Интеллигенция и религия. О противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения / С. Н. Булгаков // Интеллигенция и религия : сб. ст. — СПб. : Изд-во Олега Абышко ; Статисъ, 2010. — С. 11–14.

17. Сапов, В. В. От марксизма к идеализму, или В поисках утраченного Бога / В. В. Сапов // Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. — М.: Астрель, 2006. — С. 13.

18. Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) / С. Н. Булгаков // Христианский социализм. — Новосибирск: Наука, 1991. — С. 138.

МЕТЕЛЬ Алексей Вадимович, магистрант гр. ИИМ-101-О-06 кафедры современной отечественной истории и историографии.

Адрес для переписки: alex333_91@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.04.2012 г.

© А. В. Метель

УДК 930.1

О. В. МЕТЕЛЬ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ИСТОКИ НАУЧНОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVII—XVIII вв.

Данная статья посвящена изучению истоков научного подхода во французской историографии к истории первохристианства. Автор ставит перед собой задачу раскрыть процесс деконструкции Священного Писания и «священной истории» сначала в рамках христианской экзегезы XVII в., а затем философами французского Просвещения, что привело к формированию научного подхода к указанным сюжетам.

Ключевые слова: историография французская, история науки, история первоначального христианства.

Статья написана при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, государственный контракт 14.740.11.1306, а также гранта Президента Российской Федерации МК-3461.2012.6.

Мощные структурные изменения, затронувшие современное историческое знание, настолько глубоки, что некоторые историки отваживаются говорить об историографической революции, делают актуальным обращение к истокам научных подходов к тем или иным феноменам, показывая, как были созданы модели их понимания. Не составляет исключения и проблема происхождения христианства, традиционно отличающаяся особой спецификой, связанной с мировоззренческой значимостью данного материала.

Во французской историографии, согласно общепринятой на сегодняшний день традиции, становление научного подхода к первохристианской истории принято относить к середине XIX в., когда были опубликованы первые работы Э. Ренана по истории возникновения интересующей нас религии [1]. Подобную точку зрения разделяли уже современники, а также сам автор, заложивший основы «мифа об основателе» [2]. Не имея возможности подробно останавливаться на данном сюжете, укажем, что, опираясь на мемуары Э. Ренана и материалы личной переписки, легко прийти к мысли, что французский филолог и историк вовсе не имел предшественников на родине, открыв «Жизнь Иисуса» совершенно новую главу в исследовании во Франции проблемы возникновения христианства [3–4]. Однако подобное утверждение может быть признано верным лишь отчасти. Изучение предшествующей интеллектуальной традиции заставляет нас признать наличие пред-

шественников Э. Ренана, сформулировавших ряд важнейших положений, без которых становление научного подхода было бы проблематичным. Изучение данных истоков и будет составлять основную цель автора настоящей статьи.

В целом, представляется возможным утверждать, что становление научного подхода к первохристианской истории во Франции в середине XIX в. стало возможным благодаря деконструкции Священного Писания и «священной истории» в XVII–XVIII вв., сначала протестантскими и католическими экзегетами, а затем философами французского Просвещения. Использование термина «деконструкция» в данном контексте подчеркивает специфику протекавших процессов, когда, благодаря рождению процедур критики, разрушаются привычные смысловые конструкции и на их место постепенно приходят новые модели объяснения.

Процесс деконструкции первохристианской истории во Франции прошел в своем развитии две последовательные фазы: деконструкция Священного Писания экзегетами XVII в.; деконструкция истории первоначального христианства философами французского Просвещения. Первый из названных нами этапов, в свою очередь, распадается на два самостоятельных периода, первый из которых связан с применением процедуры текстологической критики к текстам Писания, представленной во Франции именем протестантского теолога Л. Капеля, тогда как второй получает преимущественное развитие во вто-

рой половине XVII в. благодаря формированию историко-филологической критики Р. Симона. Остановимся на выделенных нами этапах более подробно.

Начало проекта текстологической критики Библии традиционно принято связывать с эпохой Возрождения, когда начинает формироваться идея исторического развития, в том числе и применительно к языковым формам. По мысли М. А. Барга, «отринув вместе со средневековым мировидением схоластическую ученость, гуманисты поставили под сомнение аллегорическое толкование Библии, настаивая на буквальном, номиналистском прочтении составивших ее текстов в границах исторического контекста времени их создания» [5]. Развитие книгопечатания, Реформация, постепенное накопление данных о верованиях неевропейских народов, а также возрождение скептицизма в форме неопирронизма стимулировали указанный выше процесс, приводя к сменению в авторитетности латинской Библии св. Иеронима, признаваемой аутентичной на Западе [6].

Именно в данном контексте становится понятна фигура Л. Каппеля (1585 – 1658), в заслугу которому можно поставить, в первую очередь, выделение двух пластов библейского текста: божественного, связанного с информацией, переданной пророкам Святым Духом, и человеческого, связанного с передачей данной информации людям в соответствии с потребностями места и времени. Если первый из указанных пластов остается неизменным, то второй, напротив, меняется. К таким выводам протестантский экзегет пришел на основании кропотливой работы с источниками, взятыми на языке оригинала. Последнее стало возможно благодаря филологической подготовке профессора академии Сомюр, посетившего в молодости университеты Англии, Германии и Голландии, где, в частности в Оксфорде, он изучал восточные языки.

Первым наиболее значимым произведением Л. Каппеля стала полемическая работа, посвященная вопросу о времени появления пунктуации в Ветхом Завете [7]. Поддержав в данном вопросе еврейского гебраиста Э. Левита, французский протестант отстаивал поздний характер пунктуации, появившейся только в Масоретской редакции. Однако подлинным олицетворением мысли автора стала вышедшая в 1650 г. шеститомная «Сакральная критика» [8], наброски которой, впрочем, были подготовлены еще в 1630-е гг. В результате проведенной работы по сравнению различных редакций Библии, протестантский экзегет пришел к выводу о существовании нескольких вариантов библейского текста, т.к. первоначальный текст в процессе своей истории подвергся значительным искажениям при многократном переписывании. Следовательно, задачей экзегета должно стать установление имеющих место разночтений, которые необходимо обозначать на полях принятого в Церкви варианта. Любопытно, что текстуальная критика, по мнению самого Л. Каппеля, ни в коей мере не сможет подорвать авторитет Священного Писания, напротив, она преследует прямо противоположную цель, что подтверждается конечным выводом автора о чудесном сохранении наиболее важной информации в библейских текстах и, следовательно, адекватности текстов Библии для теологических целей.

Переход от методов текстуальной критики к методам критики историко-филологической и, следовательно, ко второму этапу деконструкции, был бы невозможен, во-первых, без «коперниканской революции в богословии», произведенной Р. Декартом, принцип методологического сомнения которого

«наводил на мысль, что существование Бога устанавливается человеческим разумом, а не наоборот» [9]; и, во-вторых, без философского обоснования процедур критики голландским мыслителем еврейского происхождения Б. Спинозой (1632 – 1677). Доказывая необходимость свободы вероисповедания в государстве, еврейский мыслитель стремился рассматривать Библию при помощи света естественного разума, отмечая, что ее познание ничем не отличается от познания природы [10].

Думается, не будет преувеличением сказать, что проект историко-филологической критики Р. Симона (1638 – 1712) был подчинен цели сделать новый перевод текстов Священного Писания на современный автору французский язык, подтверждением может служить тот факт, что первые наброски подобного проекта были созданы членом ордена Ораторианцев еще в 1676 г. Однако первым объектом его критики стали книги Ветхого Завета, которые, по его мнению, должны рассматриваться как сборники текстов, созданных в разное время разными авторами. Более того, имеющиеся в нашем распоряжении сегодня библейские книги отнюдь не идентичны тем, что были в обращении ранее, ведь переписчики могли вносить исправления в исходный вариант рукописи [11]. Несмотря на осуждение данного труда со стороны католической церкви и государства в 1678 г., Р. Симон продолжил свои исследования, обратившись к историко-филологической критике Нового Завета [12 – 13]. Наконец, в 1702 г. был опубликован перевод Писания на французский язык [14].

Исходный посыл Р. Симона был сходен с позицией Л. Каппеля и Б. Спинозы: тексты Библии имеют два основных пласта. Однако французский католик шел гораздо дальше в своих выводах, рассматривая историю книг, вошедших в Ветхий и Новый Заветы, причем с опорой на церковную традицию, которая есть не что иное, как «свет, который мы бросаем на Писание для его интерпретации» [13, Preface]. Хотя, вместе с тем, одним из важнейших методологических принципов данного автора стало «...не утверждать ничего до того, как это будет точно установлено на материале документов» [12, Preface].

В результате, благодаря работам Л. Каппеля и Р. Симона начинается процесс десакрализации Священного Писания, которое постепенно теряет статус уникального, божественного текста, сообщаемого исключительно достоверную информацию. Напротив, указанные мыслители начинают разработку нового методологического инструментария, который помогает вычленивать отдельные пласты в текстах Библии и проследить их историю.

Победа «лагеря фабулы», если воспользоваться терминологией П. Битенхольца, представленного Ж. Б. Боссюэ, для которого Писание оставалось важнейшим историческим источником, нуждавшимся лишь в комментариях, привела к возникновению «the great anomaly» — критике религии со стороны французских просветителей. Seriously упрощая, можно сказать, что невозможность легально развивать процедуры критики в Церкви заставила католиков бежать за ее пределы и определила антиклерикальный и антирелигиозный пафос просветительских идей.

Деконструкция первохристианской истории философами французского Просвещения имела серьезную особенность — она была напрямую связана с практической составляющей просветительского проекта преобразования общества в соответствии с требованиями Разума. В результате формируется проект историко-филологической деконструк-

ции священной истории и её источников, особенность которого состояла в том, что исторический материал давал просветителям необходимые доказательства для их построений [15]. Сказанное, однако, отнюдь не означает, что все достижения XVII в. были абсолютно не известны просветителям, напротив, статья в «Энциклопедии», посвященная Библии, демонстрирует прекрасное знакомство Д. Дидро с приемами и результатами источниковедческой критики Писания, которые были неактуальны в рамках их проекта [16].

Начало просветительской критике было положено младшим современником Р. Симона, священником деревни Этрепины в Шапмани Ж. Мелье (1664 — 1729), составившим перед смертью текст «Завещания», в котором он отказывался от догм христианской религии и утверждал новые принципы религиозной жизни. Ж. Мелье наметил основные линии просветительской модели деконструкции первохристианства, указав ее «узловые» точки: критику текстов Библии как полных противоречивых и недостоверных суждений, пророчеств, которые не сбылись; поиск корней христианства в иудейской среде, признание данной религии изначально лишь сектой в рамках иудаизма; принятие человеческой сущности Иисуса Христа, чье учение было искажено в ходе дальнейшего развития основанной им религии [17].

Выводы Ж. Мелье были развиты двумя мыслителями, олицетворявшими два варианта деконструкции «священной истории», Вольтером и П. А. Гольбахом. Радикальная линия, т.е. «линия П. А. Гольбаха», рассматривала христианство как исключительно человеческое творение, обязанное своим возникновением синтезу иудейских религиозных традиций и греческой философии преимущественно в форме платонизма [18]. Учение, основанное простым иудейским плотником, уверовавшим в свое мессианское предназначение и изначально распространявшееся исключительно в среде «подонков» общества, благодаря новым проповедникам, в частности Павлу, вышло за пределы иудейского мира и завладело умами жителей империи. Проповедник превратился в Бога, совершавшего чудеса и даровавшего утешение несчастным, а само учение приобрело вид религии, с развитыми культовой и догматической сторонами. Начало данному процессу, с точки зрения П. А. Гольбаха, было положено обманом учеников Иисуса, выкравших тело своего учителя после его смерти. В результате, созданная толпой обманщиков, христианская церковь играла крайне отрицательную роль в истории, поработив народы, все дальше уводя их от тропы разума и делая мораль шаткой и ненадежной. Именно к таким выводам приходит барон на основании прочтения Евангелий с позиций здравого смысла, которые, по его мнению, будучи составленными малообразованными людьми, лишены не только хорошего вкуса, но и настолько полны анахронизмов и противоречий, что критик не найдет в них ничего, что указывало бы на реальные факты.

Вторым вариантом деконструкции стала концепция происхождения христианства Вольтера, который, стремился облечь философскую схему плотью исторических фактов [19]. Помимо текстов Священного Писания французский философ опирался на материалы апокрифических Евангелий и иудейской традиции (Иосиф Флавий. «Толдос Иешу»), прочитываемые также с позиции здравого смысла и критикуемые с точки зрения истинности. В целом, с точки зрения Вольтера, первым этапом христианской истории стало ее зарождение в недрах иудаизма, что

было напрямую связано с распространившимися в данный период апокалиптическими настроениями и ожиданием прихода Мессии. Данные настроения были перенесены на Иисуса Христа — простого иудейского крестьянина, сына иудейского плотника, «единственной целью которого, возможно, было создать небольшую секту из простых деревенских жителей». Первыми последователями Иисуса стали простые иудейские крестьяне-бедняки, которые также оставались в рамках еврейской религии. Они стремились лишь заклеить убиц своего учителя, прибегнув при этом к грубому обману, утверждая, что Бог якобы воскресил Иисуса.

Следующий этап развития христианской религии, согласно Вольтеру, был связан с разрывом с иудаизмом и обогащением новыми идеями, присущими греческой философии, начало чему было положено апостолом Павлом. Именно Павел выступил против своих бывших сторонников-иудеев, и привлек в новую секту большинство прозелитов. В дальнейшем, распространение нового учения в границах Средиземноморья сделало возможным привнесение в него идей платонизма иудеями Александрии, в частности доктрины о Логосе, с которым отныне был отождествлен Иисус, превращенный из обычного проповедника во всемогущего Бога. Подобный синтез, в свою очередь, сделал возможным дальнейшее распространение христианства и привлечение в ряды прозелитов не только представителей низов общества, но и выходцев из элиты. Одновременно христианство получало культовую и догматическую организацию, постепенно превращаясь из маленькой секты в мировую религию. В качестве основных причин победы христианства Вольтер называет следующие: идея естественной свободы; свобода собраний; отказ от жертвоприношений; совершенствование догматики и ее превращение в стройную систему; профессиональная принадлежность христиан, которые, как и иудеи, в массе своей занимались торговлей и ростовщичеством.

Небезынтересно отметить, что ядро концепции происхождения христианства Вольтера, в частности, выделение двух последовательных этапов, иудейского и собственно христианского, в развитии данной религии, весьма органично вошло в историческую науку, составив базис научного подхода. И хотя зачастую оценки вклада Вольтера в изучение проблемы происхождения христианства весьма негативны, например, французский исследователь А. Косс полагал, что «Опыты о нравах» Вольтера принесли «несчастья больше, чем нашествие варваров» [20], именно труды данного философа традиционно рассматриваются в качестве предшествующих сочинениям Э. Ренана [2, Р. 61], а в отечественной историографии и методологические приемы, и конкретно-исторические выводы Вольтера были актуализированы советскими учеными в 1920-е гг. и прочно вошли в советскую модель изучения первоначального христианства [21 — 23].

Завершением проекта деконструкции первохристианской истории в рамках французского Просвещения стали работы К. Ф. Вольнея, Ш. Ф. Дюпюи и С. Марешаля, развивающие положения, высказанные П. А. Гольбахом [24 — 26].

Рассматривая Просвещение как вульгаризацию идей XVII в., мы, однако, далеки от исключительно негативных оценок данного этапа. Освободив разум от ограничений со стороны любых авторитетов, просветители заложили основы светской версии первохристианской истории, которая показала саму воз-

возможность прочтения данных сюжетов исключительно в рамках светского дискурса, обратив внимание на человеческую составляющую истории становления новой религии. Но печальный опыт антирелигиозной практики времен Французской революции привел к новому разрыву во французской интеллектуальной традиции — на место деконструкции приходит «религиозное возрождение», связанное с именем Ф. Р. де Шатобриана. Расцвет апологетической литературы в первой половине XIX в. сделал невозможным сколько-нибудь серьезное развитие критических тенденций и, как следствие, привел к отставанию Франции от Германии в данной области, что, в свою очередь, поставило на повестку дня повторное открытие некоторых истин, уже при посредничестве немецкой науки в середине XIX в. Именно отсюда берет свое начало «миф об основателе», связанный с именем Э. Ренана.

Библиографический список

1. Cuvillier E. La question du Jésus historique dans l'exégèse francophone / E. Cuvillier // Jésus de Nazareth. Nouvelles approches d'une énigme / Eds. D. Margeurat, Enrico Norelli, J.-M. Poffet. — Genève : Labor et Fides, 1998.
2. Reville A. De la Renaissance des Études religieuses en France / A. Reville // Reville A. Essais de critique religieuse. — P. : J. Cherbuliez, 1869. — P. 393.
3. Renan E. Souvenirs d'enfance et de jeunesse / E. Renan. — 3 ed. — P. : Calman Lévy, 1893.
4. Renan E. Cahiers de jeunesse. 1845—1846 / E. Renan. — P. : Calman Lévy, 1906.
5. Барг, М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма / М. А. Барг. — М. : Мысль, 1987. — С. 277.
6. Gibert P. L'invention critique de la Bible. XVe— XVIIIe siècle / P. Gibert. — P. : Gallimard, 2010.
7. Cappel L. Arcanum punctuationis revelatum / L. Cappel. — Leiden : Thomas Erpenius, 1624.
8. Cappel L. Critica sacra / L. Cappel. — Lutetiae Parisiorum, 1650.
9. Тарнас, Р. История западного мышления / Р. Тарнас. — М. : КРОН-ПРЕСС, 1995. — С. 235.
10. Спиноза, Б. Богословско-политический трактат / Б. Спиноза. — Минск : Литература, 1998. — 528 с.
11. Simon R. Histoire critique du Vieux Testament / R. Simon. — Rotterdam : Reinier Leers, 1685. — Preface.
12. Simon R. Histoire critique du texte du Nouveau Testament, où l'on établit la vérité des Actes sur lesquelles la Religion Chrétienne est fondée / R. Simon. — Rotterdam : Reinier Leers, 1689.
13. Simon R. Histoire critique des versions du Nouveau Testament / R. Simon. — Rotterdam : Reinier Leers, 1690.
14. Simon R. Le Nouveau Testament de notre Seigneur Jésus-Christ, traduit sur l'ancienne édition, avec des remarques littérales et critiques sur les principaux difficultés / R. Simon. — P. : Trévoux, 1702. — V. 4.
15. Кассирер, Э. Философия Просвещения / Э. Кассирер. — М. : РОССПЭН, 2004. — С. 204.
16. Didrot D. La Bible / D. Didrot // Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / Eds. D. Didrot, d'Alembert J. le Rond. — P. : André le Breton, Michel-Antoine David, Laurent Durand and Antoine-Claude Briasson, 1751. — T. 2. — P. 222—226.
17. Мелье, Ж. Завещание / Ж. Мелье. — М. : ОГИЗ, 1937. — 735 с.
18. Гольбах, П. А. Разоблаченное христианство / П. А. Гольбах // Священная зараза или естественная история суеверия. Разоблаченное христианство. — М. : ОГИЗ, 1936. — С. 211—341.
19. Вольтер. История установления христианства / Вольтер // Бог и люди. В 2 т. Т. 1. — М. : АН СССР, 1961. — С. 31—112.
20. Causse A. La Bible de Reuss et La Renaissance des études d'histoire religieuse en France [Текст] / A. Causse // Revue d'histoire et de philosophie religieuses. Strasbourg. — A. 9. — № 1. — P. 1.
21. Ранович, А. Б. Очерк истории раннехристианской церкви / А. Б. Ранович. — М. : ОГИЗ, 1941. — 260 с.
22. Ленцман, Я. А. Происхождение христианства / Я. А. Ленцман. — М. : АН СССР, 1958. — 267 с.
23. Крывелев, И. А. Подтверждаются ли библейские легенды? / И. А. Крывелев. — М. : Знание, 1965. — 63 с.
24. Вольней, К. Ф. Руины, или Размышления о расцвете и упадке империй / К. Ф. Вольней // Избранные атеистические произведения / Под ред. Х. Н. Момджяна. — М. : АН СССР, 1962. — С. 29—198.
25. Dupuis Ch. F. Abrégé de l'origine de tous les cultes / Ch. F. Dupuis. — 4 ed. — P. : Chez tous les libraires, 1847.
26. Марешаль, С. Разоблаченная басня о Христе / С. Марешаль // Избранные атеистические произведения / Под ред. Х. Н. Момджяна. — М. : АН СССР, 1958. — С. 356—408.

МЕТЕЛЬ Ольга Вадимовна, аспирантка кафедры всеобщей истории.

Адрес для переписки: olgametel@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.03.2012 г.

© О. В. Метель

Книжная полка

Политическая история русской эмиграции 1920 -1940. Документы и материалы : учебное пособие для вузов / Под ред. А. Ф. Киселев. — М. : Владос, 2012. — 776 с. — ISBN 978-5-691-00305-9.

Данное издание — первый опыт систематического описания основных течений политической жизни эмиграции, ее идеологии и практики. Основу книги составили материалы из Государственного архива Российской Федерации, Центрального архива ФСБ России, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, материалы эмигрантских периодических изданий, отдельные труды и мемуары эмигрантов. Читатель значительно расширит круг знаний о таких крупных фигурах, как Е. К. Миллер, П. Б. Струве, И. А. Ильин, Н. В. Устрялов, П. Н. Савицкий, А. Л. Казем-Бек, П. Н. Милюков, митрополит Антоний (Храповицкий), и о многих других деятелях эмиграции, чей опыт осмысления русской революции 1917 г. и поиски путей преобразования России были долгое время предметом ведения «спецхрана», а теперь должны занять свое достойное место в истории России XX века. Учебное пособие адресовано студентам и преподавателям вузов.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧАСТНЫХ ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

В данной статье рассматриваются проблемы создания и функционирования медицинских учреждений частной формы собственности в Западной Сибири, в первую очередь, на территории крупнейших городов Омска, Томска, Барнаула, Кемерово.

Ключевые слова: здравоохранение, медицинское учреждение, клиника, пациенты.

Основными социально-экономическими предпосылками для развития частного сектора здравоохранения на территории Омской, Томской, Кемеровской областей и Алтайского края на рубеже 1990–2000-х гг. выступала неспособность государства выполнять социальные обязательства перед населением по оказанию бесплатной медицинской помощи. Недостаточное бюджетное финансирование здравоохранения сдерживало внедрение в практику новых технологий и приводило к снижению уровня удовлетворения потребности в медицинской помощи, что не устраивало часть платежеспособного населения, которое могло позволить себе расходы на качественное медицинское обслуживание [1].

В условиях становления и развития рыночных отношений спрос порождает предложение, что привело к появлению медицинских учреждений частной формы собственности в разных регионах России, а в Западной Сибири — в первую очередь на территории крупнейших городов.

Доля частных медицинских организаций в общем числе медицинских учреждений РФ (по данным Росстата) в середине 2000-х гг. составила:

— число амбулаторно-поликлинических учреждений в частной форме собственности 4206 (по сравнению с 13583 государственными и муниципальными амбулаторно-поликлиническими учреждениями);

— число больничных учреждений — 148 (по сравнению с 7478 государственными);

— доля организаций частной формы собственности в общем числе амбулаторно-поликлинических — 22,4 % [2].

Для сравнения можно привести данные о частных медицинских учреждениях России за 2009 г.: доля частных амбулаторно-поликлинических учреждений (самостоятельных и входящих в состав больничных учреждений) в их общем числе — 28,4 % [3]. Данные показатели свидетельствуют о наличии устойчивых темпов роста количества частных медицинских учреждений и развитии частного сектора здравоохранения.

В Западно-Сибирском регионе с конца 1990-х гг. также начала развиваться частная медицинская практика. Только один Центр В. И. Яковлева в городе Омске в 1999 г. обслужил 56 тысяч пациентов [4, с. 33].

В 1999 г. лицензии на медицинскую деятельность в г. Омске получили 299 зарегистрированных негосударственных заявителей, в 2000 г. — 306, в 2001-м — уже 355 заявителей [5, с. 692]. Значительная часть негосударственного сектора медицинских услуг сосредоточилась на территории областного центра, что в основном было определено более высоким уровнем платежеспособности горожан, а также концентрацией в нем наиболее квалифицированных кадров и научного потенциала. Если в 1999 г. в городе частные клиники составляли 85,6 % от общего количества частных клиник в регионе, в 2000 г. — 86,9 %, то уже в 2001-м их количество превысило 96 % [6, с. 27]. По данным Министерства здравоохранения Омской области, к 2005 году в области насчитывается 275 частных больниц и клиник. Причем среди частных преобладают стоматологии — их 166. Остальные это 47 многопрофильных, 21 офтальмологическая, 19 — косметологических и 22 узкопрофильные [7]. На территории Томской области к 2005 году действовало 313 лицензий частной системы здравоохранения [8, с. 41]. И востребованность негосударственной медицины в Западно-Сибирском регионе начиная с середины 1990-х гг. только возрастала. По данным Министерства здравоохранения Новосибирской области, на территории региона сегодня работает более 1140 медицинских кабинетов и частных центров, организованных 938 юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Из них 296 организаций предоставляют стоматологические услуги, 92 — оказывают акушерско-гинекологическую помощь, а еще 40 частных клиник — стационарную [9].

Отчасти количественный рост негосударственных медицинских учреждений объяснялся политикой правительства Российской Федерации и региональных властей. Федеральным законом от 22 июля 1993 г. № 5487-1 была разрешена частная система здравоохранения. Рядом постановлений были определены объемы и размеры оказания обязательной медицинской помощи и платных медицинских услуг. Общие правила предоставления платных медицинских услуг населению медицинскими учреждениями были утверждены постановлением Правительства РФ от 13 января 1996 г. № 27. В результате в регионах были

приняты аналогичные законодательные акты. В частности, законом Омской области об охране здоровья населения, принятым 24.06.1997 г., было закреплено положение о деятельности частной системы здравоохранения на территории Омской области [10].

С другой стороны, высокая обращаемость пациентов в частные медицинские учреждения и пользование платными услугами объяснялись политикой, проводимой частными лечебницами. Это подтверждается опросом общественного мнения, проведенным Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2002–2003 гг. в 55 субъектах Российской Федерации. Согласно ему безусловными достоинствами частной медицины явились: создание четкой системы записи к врачам и учета посещений; предоставление возможности получения высококвалифицированной медицинской помощи как пациентам, которые имеют возможность оплатить лучшие расходные материалы и медикаменты европейского стандарта, так и тем, кто самостоятельно оплатить свое лечение не может; увеличение доступности высокотехнологичной медицинской помощи; стремление вылечить пациента в более короткие сроки [11]. По результатам опроса общественного мнения, проведенного по заказу департамента здравоохранения Томской области, каждый пятый респондент, или 25,2 % от общего количества опрошенных жителей Томской области в 2005–2007 годах обращался за медицинской помощью в частные клиники [12]. Около половины опрошенных, или 42 % пациентов частных медицинских учреждений отметили высокое качество предоставляемых медицинских услуг, каждый второй, или 51 % респондентов-пациентов частных клиник отметили оперативность и удобный график работы. Социологи считают, что «данная категория медицинских учреждений получила от населения высокие оценки в силу ее ориентированности на пациента» [13].

Наряду с этими положительными факторами наблюдалась тенденция освоения частной медициной лишь некоторых, наиболее прибыльных сегментов медицинского рынка. Так, медицинские учреждения частной формы собственности были представлены в Западно-Сибирском регионе в шести сферах здравоохранения: косметология, офтальмология, психология и психотерапия, стоматология, хирургия, физиотерапия, рефлексотерапия, массаж.

Например, ведущими направлениями деятельности одного из наиболее стабильных медицинских центров Томска «Биомед», созданного в 1991 году, выступают: психокоррекция избыточного веса в группе и индивидуально; психо-физиологическая коррекция зрения; психотерапия табачной зависимости; индивидуальный психоанализ; детская психотерапия; психоанализ в группе; тренинги; тренинг ассертивности (умение сказать «нет» и критиковать); психолого-психотерапевтический антиэйджинг (психологическое противодействие старению) и клуб психологической поддержки [14].

Более 20 % рынка частных медицинских услуг Томской области занимали частные медицинские кабинеты, специализирующиеся в определенном профиле медицинских услуг: урология, ортопедия, андрология, гинекология, стоматология. Ключевое место среди частных учреждений занимали стоматологические клиники, центры и кабинеты (около 65 %), что отражало общую тенденцию развития частной медицины в Российской Федерации.

Согласно данным Министерства здравоохранения Омской области, на 2005 год было зарегистрировано порядка двухсот платных медицинских учреждений,

и около половины из них составляли как раз стоматологические клиники и кабинеты [15]. Одними из первых были созданы стоматологические клиники города Омска — центр «ДентаРос», «СибДент». По рейтингу приоритетов лидировали услуги по различным видам стоматологической помощи в клиниках профессора В. Г. Боккой, «Элита», «Дента-плюс», «Лига-дент» и ряде других. Кроме того, врачи-стоматологи продолжали и индивидуальные приемы [16]. В 1998–1999 гг. были созданы крупнейшие медицинские центры под руководством известных специалистов С. В. Рождественского (мануальная терапия при заболеваниях позвоночника), А. Н. Пуценко (пластическая хирургия), В. И. Яковлева (лечение гинекологических заболеваний у женщин и урологических у мужчин), А. И. Шеремета (центр информационно-волновой терапии) и т.д.

В целом, на территории Омской области развитие частной медицины осуществляется в нескольких направлениях. В первую очередь, речь идет о специализированных медицинских клиниках: гинекология-урология, стоматология, неврология, косметология, ортопедия. Спецификой области является наличие развитой сети многопрофильных медицинских центров, которые могут предложить своим пациентам не только консультативные услуги, но также диагностические и лечебные. К числу многопрофильных медицинских клиник в Омске можно отнести центр «Доктор Саш», «Узи» «Диагностика Плюс», «Ваш доктор», «Евромед», а также «Клиника доктора Яковлева», «Клиника Иващенко», Поликлиника «Сибнефть ОНПЗ», центр «До 16-ти», «Медицинский центр на Бударина», «Авиценна», «Ассоль», «УЗИ-Диагностика на Ч. Валиханова» и др. Общество с ограниченной ответственностью «Клиника Иващенко» была организована в 1991 году, и стала первой в городе частной больницей с поликлиникой и стационаром. Ключевыми направлениями работы клиники выступили: пластическая хирургия; эстетическая косметология; гинекология; хирургия; терапия; оториноларингология; урология; кардиология; гастроэнтерология; физиотерапия; массаж; иглорефлексотерапия; лабораторные исследования; ультразвуковые исследования и др. [17].

Аналогичная ситуация сложилась в Тюменской области, где с конца 1990-х гг. формируется частный сектор медицинских услуг. В деятельности, осуществляемой частными организациями, наиболее распространены такие направления, как стоматология и гинекология [18, с. 50]. Частные медицинские услуги на территории Барнаула представлены стоматологическими клиниками, аптеками, клиниками пластической хирургии и многопрофильными медицинскими центрами [19]. В Кемеровской области среди наиболее развитых направлений также можно назвать стоматологическое и гинекологическое направления. По словам генерального директора фирмы «Улыбка» С. Третьякова, это закономерно: «Стоматология, гинекология и офтальмология — наиболее «рыночные» отрасли не только в России, но и во всем мире [20].

Но в целом, для частных медицинских учреждений Западной Сибири характерна распространенность узкой специализации. Оказать целый комплекс услуг, как государственная медицина, способны лишь единичные частные клиники, и не в таких объемах, которые требуются населению. Кроме того, ими не были освоены и принципиально новые направления. Невозможными остались идеи создания частных стационаров, родильных домов и перинатальных

центров, экстренной неотложной помощи на дому — аналога государственной скорой помощи — и другое. Весьма слабое развитие получил и спектр поликлинических услуг, а также семейное направление.

Причины заключаются в том, что частные медицинские учреждения целиком и полностью зависят от запросов своих потенциальных пациентов. А опросы общественного мнения, проведенные в 2000—2005 гг. среди населения, свидетельствуют, что наиболее посещаемым типом клиник являлись клиники, специализирующиеся на лечении определенных заболеваний: более двух третей опрошенных отметили их среди прочих клиник. Две трети респондентов, прибегавших к помощи частной медицины, обращались в клиники/кабинеты за консультацией врача. Наиболее востребованы в частных клиниках консультации и лечение у стоматолога, гинеколога и терапевта. Около 47 % всех врачей, работающих в частном секторе, — стоматологи. Вторая по востребованности медицинская услуга в рамках частной медицины — это диагностика (прежде всего, лабораторная). Около 30 % опрошенных обращались в диагностические клиники [21].

Помимо этого причиной узости рынка частного здравоохранения Алтайского края, Кемеровской и Томской областей в начале 2000-х гг. явился низкий уровень жизни населения, отсутствие поддержки со стороны органов государственной власти и местного самоуправления, незавершенность политико-правового статуса частных учреждений. Частная медицина была поставлена в неравные условия по сравнению с государственной медициной. Так, например, подавляющее большинство государственных медицинских учреждений имело право оказывать платные услуги, при этом по сравнению с частной медицинской у них был ряд преимуществ — отсутствие арендной платы, гарантированное финансирование через систему ОМС и т.д. В Алтайском крае, Томской и Кемеровской областях это привело к ограниченности предложений на рынке медицинских услуг и, как следствие, к снижению количества пациентов, пользующихся услугами частных клиник, поскольку государственные и муниципальные учреждения могли предложить гораздо более широкий спектр услуг. По данным агентства «БК-рейтинг», в 2004 г. число пациентов, обращающихся в частные медицинские учреждения, составило около 19 % от общего их количества, что на 2 % меньше, чем в 2002 г. При возникновении серьезных заболеваний население обращалось в государственное или ведомственное учреждение — 40 % и 4 % соответственно [22, с. 33].

В то же время на протяжении 1990—2000-х гг. в системе частных медицинских учреждений Западной Сибири оформились те направления, где их позиции оказались сильнее, чем у государственных и муниципальных учреждений: стоматология, гинекология (лечение бесплодия и сексуальных проблем), пластическая хирургия, косметология. Данные направления «не носили социального характера», поэтому государственные учреждения в силу ограниченных финансовых возможностей не могли уделять им своего внимания.

Все перечисленные факторы в совокупности и определили ту нишу, которую с середины 1990-х гг. частные лечебные учреждения Западной Сибири заняли в сфере медицинских услуг.

Библиографический список

1. Дремина, Т. М. Частная практика / Т. М. Дремина // Приходный ордер. — 2002. — № 7. — С. 52—63.

2. Основные социально-экономические показатели по Российской Федерации за 1999—2004 гг. (по материалам Росстата) // Вопросы статистики. — 2005. — № 3. — С. 59—70.

3. Беляевский, И. К. Демографический маркетинг: наука и практика / И. К. Беляевский // Вопросы статистики. — 2010. — № 4. — С. 24—34.

4. Жучкова, А. М. Медицина в целом и в частности / А. М. Жучкова // Приходный ордер. — 2007. — № 5. — С. 30—41.

5. Омск в конце XX—начале XXI века. Здравоохранение. Гл. 10. — Омск, 2009. — С. 692—699.

6. Дудкина, М. П. Развитие здравоохранения в городах Западной Сибири / М. П. Дудкина // Приходный ордер. — 2008. — № 6. — С. 22—29.

7. Министерство здравоохранения Омской области — официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://old.omskminzdrav.ru/> (дата обращения: 04.01.2012).

8. Адамян, А. Т. Состояние здравоохранения Томской области [Текст] / А. Т. Адамян // Региональное здравоохранение. — 2005. — № 12. — С. 41.

9. Лыков, М. Здоровая конкуренция [Текст] / М. Лыков // Эксперт-Сибирь. — 11-24.04. 2011. — №13-14. — С. 20.

10. Закон Омской области от 04.03.97 N 90-ОЗ об охране здоровья Омской области (принят ЗС Омской области 25.02.97) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lawru.info/base94/part0/d94ru0138.htm> (дата обращения: 06.01.2012).

11. Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://wciom.ru/> (дата обращения: 08.01.2012).

12. Здравоохранение Томской области — официальный сайт департамента здравоохранения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zdrav.tomsk.ru/projects/> (дата обращения: 04.01.2012).

13. Шолпо, Л. Н. Стимулирование развития частного сектора здравоохранения в России / Л. Н. Шолпо. — М.: Интел-Синтез, 2000. — 560 с.

14. Центр психофизиологии и психотехнологий «Биоинтермед» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.biointermed.ru (дата обращения: 08.01.2012).

15. Министерство здравоохранения Омской области — официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://old.omskminzdrav.ru/> (дата обращения: 04.01.2012).

16. Центр медицинского права [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravo-med.ru/> (дата обращения: 06.01.2012).

17. Клиника Иващенко — официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ivaschenko.ru/> (дата обращения: 04.01.2012).

18. Гонцов, А. А. Опыт реализации федеральных законов в сфере здравоохранения Тюменской области / А. А. Гонцов // Здравоохранение. — 2004. — № 8. — С. 47—55.

19. Информационно-аналитические материалы о деятельности муниципалитетов в 2008 году и планах на 2009 год. Здравоохранение. Барнаул [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asdg.ru/mo/materials/2009/13/index.html> (дата обращения: 08.01.2012).

20. Лечебно-диагностический центр «Овум-Медико» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ovumlab.ru/> (дата обращения: 05.01.2012).

21. Шишкин, С. В. Анализ перспектив развития частного финансирования здравоохранения / С. Шишкин, Л. Попович. — М.: ИЭПП, 2009. — 112 с.

22. Жучкова, А. М. Медицина в целом и в частности / А. М. Жучкова // Приходный ордер. — 2007. — № 5. — С. 30—41.

СОГРИН Сергей Вячеславович, старший преподаватель кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: vis68@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.01.2012 г.

© С. В. Согрин

ПЕТР I КАК ГЕРОЙ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

В статье рассматривается образ Петра Великого в сознании российских интеллектуалов второй половины XIX — начала XX в. Исторические представления о Петре I реконструируются на основе анализа специализированной исторической периодики. Интерес общества к фигуре Петра объясняется неоднозначностью проведенных им преобразований и их результатами. Социально-экономические и культурные сдвиги в пореформенной России трансформировали образа Петра Великого в героя российской истории.

Ключевые слова: образ прошлого, исторические представления, специализированные исторические журналы.

Реконструкция исторических представлений, существовавших в социальной памяти той или иной исторической эпохи, представляет особый интерес для исследователей, так как позволяет понять не только время, к которому обращались, но и, главным образом, социо-культурную среду, которая к нему обращалась, и конкретно-исторический контекст этого обращения. В социальной памяти постоянно идет процесс (осознанный и бессознательный) по переработке прошлого, когда одни события и лица намеренно предаются забвению, а другие культивируются, когда один и тот же исторический материал претерпевает диаметрально противоположные интерпретации за короткий период времени. Осмысливая образы прошлого, существовавшие в разные исторические периоды, мы можем понять: каковы были причины обращения именно к этому прошлому, какие исторические сюжеты были наиболее востребованы, какие ценностные конфликты крылись за спорами об историческом значении того или иного события, о моральной стороне поступков того или иного исторического деятеля?

В нашей работе эти вопросы будут поставлены применительно к историческому сознанию русских интеллектуалов второй половины XIX в. Отмена крепостного права, последовавшие за ней реформы и коренные изменения в общественном устройстве привели к социально-политической и интеллектуальной трансформации национального сознания. В период ломки традиционных устоев и стереотипов мышления особенно острой стала проблема отношения к прошлому. Переоценка общего прошлого являлась определяющей для возникновения новой национальной идентичности. Возросший интерес к истории и историческим сюжетам в пореформенный период во многом объясняется тем, что в прошлом своей страны видели ключ к пониманию ее настоящего и именно в прошлом искали примеры для подражания, моральные и культурные авторитеты.

Одной из точек кристаллизации коллективного воспоминания и идентичности была выдающаяся фигура Петра Великого. Всплыв в коллективной памяти образованного общества пореформенной России, Петр I трансформировался в символ борьбы старого и нового, традиционного и прогрессивного, на-

ционального и заимствованного. Как верно заметила О. Б. Леонтьева, в этот период «на роль культурного героя вполне мог претендовать Петр Великий — фигура решительного реформатора, смело сокрушавшего пережитки прошлого, не могла не привлекать симпатий общества, жаждавшего перемен» [1].

Историографическая традиция изучения личности, деятельности и эпохи Петра I берет свое начало в первой половине XVIII в. и красной нитью проходит в трудах российских историков XIX — XX столетий. Историко-антропологический подход и «мемориальный бум» сделали эту тему актуальной и для современного исторического знания, открыв в ней новые пласты для изучения. Исследование «образов прошлого» позволяет наглядно проследить превращение реальных исторических фактов в факты исторической памяти. Подробно эволюцией образа Петра I в исторических представлениях образованного общества во второй половине XIX — начале XX в. на широчайшем историографическом, литературном и художественном материале занималась О. Б. Леонтьева. Мы же в своем исследовании будем опираться на специфический исторический источник — периодическую печать.

Периодическим изданиям, которые занимали особое место в общественно-политической жизни пореформенной России, принадлежит значительное место в процессе осмысления исторического опыта, оценки его главных действующих лиц и выработке определенных образов. Нужно заметить, что историческое сознание читающей публики в пореформенной России определяли не столько труды профессиональных историков, сколько распространенные в тот период специализированные исторические периодические издания. Историческая журналистика XIX столетия, с одной стороны, способствовала обмену научными идеями среди историков-профессионалов, с другой — формировала историческое сознание общества. Однако не каждое достижение исторической науки становилось достоянием общественности, в периодических изданиях получали отражения только те положения, которые, во-первых, проходили строгий цензорский контроль, во-вторых, соответствовали читательскому спросу. Как показано М. П. Мохначевой, журнал во второй

половине XIX — начале XX вв. представлял собой коллективный текст, маркирующий главные достижения исторической науки и фиксирующий развитие исторического самосознания индивида и общества в целом [2]. Коллективом авторов толстых журналов моделировался образ исторического героя, который воспринимался читательской аудиторией и встраивался в их систему мировоззрения и ценностных ориентаций.

Объектом нашего исследования являются периодические исторические журналы: «Русский архив» (1863 — 1904 г.г.) под редакцией П. И. Бартенева, «Русская старина» (1870 — 1904 г.г.) под редакцией М. И. Семевского, «Исторический вестник» (1880 — 1904 г.г.) под редакцией С. Н. Шубинского и «Вестник Европы» (1866 — 1904 г.г.) под редакцией М. М. Стасюлевича.

Первым специализированным историческим журналом, знакомившим читателей с культурной и политической историей своей страны, был вышедший в 1863 г. журнал «Русский архив». На протяжении полувека бессменным редактором этого издания оставался Петр Иванович Бартенева. «Русский архив» по числу опубликованных источников стоит на первом месте среди русских исторических журналов. Он содержал преимущественно публикации источников личного происхождения, таких как дневники, мемуары, деловые бумаги и письма, но также в нем помещались литературно-художественные и ведомственные документальные материалы. Несмотря на богатство содержания этого журнала, он имел весьма ограниченное распространение. Так, число подписчиков этого издания в разные годы колебалось в пределах 1000, не превышая 1300 человек.

Одним из самых ярких исторических журналов, специализировавшихся на публикации первоисточников, была «Русская старина», первый номер которой появился в 1870 г. Издателем и редактором этого ежемесячника был историк и публицист Михаил Иванович Семевский. Основную цель своего журнала создатель видел в разработке отечественной истории и истории русской литературы «императорского» периода, начиная с Петра I. Разнообразие печатаемых материалов, которое достигалось за счет расширения исторической тематики вопросами культуры, искусства и освободительного движения, обеспечило журналу широкую аудиторию. На второй год издания (1871 г.) число подписчиков «Русской старины» составляло около 3500 человек. В последующие годы журнал в среднем расходился в количестве 5000 экземпляров.

В 1880 г. в Санкт-Петербурге по инициативе Алексея Сергеевича Суворина и Сергея Николаевича Шубинского вышел журнал «Исторический вестник». Целью этого издания было знакомство читателей с современным состоянием исторической науки и литературы в России и Европе. Отличительной особенностью журнала было то, что он был рассчитан не только на профессиональных исследователей, но и на широкую публику. На страницах журнала наряду с документами, историческими и этнографическими статьями, библиографией русской и иностранной литературой, публиковались историческая беллетристика, литературная критика, объявления и некрологи. Подобная ориентация издания позволила ему в кратчайшие сроки добиться популярности у читателей и обеспечила ему коммерческий успех.

Созданный в 1866 г. М. М. Стасюлевичем журнал «Вестник Европы», по сути, был переизданием выходившего в начале XIX столетия под одноименным названием журнала Николая Михайловича Карам-

зина. В программном заявлении создатели журнала сделали акцент на историко-политической направленности своего издания, подчеркивая, что задача журнала состоит в том, чтобы «служить постоянным органом для ознакомления тех, которые пожелали бы следить за успехами историко-политических наук» [3]. Историческим исследованиям, очеркам и исторической беллетристике по вопросам всеобщей и отечественной истории в журнале отводилось большое место. С редакцией этого издания сотрудничали такие известные историки, как Н. И. Костомаров, М. П. Погодин и С. М. Соловьёв. Число подписчиков «Вестника Европы» постоянно росло и к середине 1870-х гг. достигло 8000 человек, его читали даже члены царской семьи, однако с 1880-х гг. популярность этого издания падает.

Самопрезентация издания как журнала, в первую очередь исторического, и большое внимание издателей к проблемам исторической науки позволило нам этот ежемесячник отнести к историческим, хотя в принятой классификации журнальной прессы второй половины XIX в. его относят к общественно-политическим изданиям.

Сплошной просмотр годовых подшивок исторических журналов второй половины XIX — начала XX в. показал, что одной из самых востребованных фигур российской истории был Петр I. Журналы «Русский архив» и «Русская старина» помещали на своих страницах преимущественно источниковые материалы: указы, записки, письма, воспоминания самого царя и его современников. Некоторые из исторических документов, размещенных в этих изданиях, ранее нигде не публиковались и представляли большую ценность. Так, в 1888 г. «Русский архив» впервые напечатал записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом, которые позволили взглянуть на события XVIII в. глазами иностранца. «Вестник Европы», презентовавший себя, в первую очередь, как журнал исторический, и «Исторический вестник» в создании образа Петра делали акцент на публикации научно-популярных статей, критических заметок, очерков и рецензий. Подобная подборка текстов позволяла им, с одной стороны, поддерживать постоянный спрос у читателей, с другой — формировать их представления, благодаря образно-метафорическому ряду своих публикаций.

Устойчивый интерес к фигуре Петра I проявлял журнал «Русский архив». За период с 1863 г. по 1905 г. в нем вышло более 60 материалов об этом царе. В «Вестнике Европы», «Русской старине» и «Историческом вестнике» публикации о Петре Великом не носили систематического характера. Однако все вышеупомянутые журналы (кроме «Исторического вестника», он был основан в 1880 г.) приняли участие в праздновании 200-летия со дня рождения Петра I. К памятной дате были опубликованы ранее не издававшиеся указы, письма и портреты Петра I, исследования историков М. П. Погодина и В. И. Герье.

Среди данной группы специализированных журналов второй половины XIX — начала XX в. можно выделить общий авторский коллектив, работавший над созданием образа Петра у образованного общества. Это историки А. Г. Брикнер, В. И. Герье, Г. В. Есипов, Кавелин, О. О. Миллер, М. П. Погодин, С. Н. Шубинский; юристы А. Н. Куломзин и В. Д. Спасович; литературовед А. Н. Пыпин; писатель Г. Н. Данилевский.

Анализ исторической периодики второй половины XIX — начала XX в. позволил выделить общие представления российского общества о Петре I.

Восприятие Петра Великого в пореформенной культуре было далеко неоднозначным, что отчетливо прослеживается на страницах периодических изданий того времени. Так, Пыпин в своей статье «Новый вопрос о Петре Великом» за 1886 г. обозначает две существующие точки зрения на личность царя. «Эти представления (о Петре I) не отличаются вообще разнообразием; в круглом счете, они сводятся к двум основным взглядам — или к восхвалению личности Петра и возвеличанию реформы, нередко терявшему всякие пределы, или к осуждению этой реформы и к проклятиям самой личности» [4, с. 318]. Сложившиеся в течение XVIII в. интерпретативные стратегии правления Петра I оставались актуальными и для коллективной памяти общества века XIX [5]. Именно поэтому эсхатологический образ Петра как «Антихриста» в сознании пореформенного общества легко уживался с представлениями о гении — реформаторе, намного опередившем свое время.

Общественный интерес к личности царя Петра I во второй половине XIX в. был связан, прежде всего, с проведенными им реформами. Пережитый при Петре I «резкий перелом» навсегда изменил историческую судьбу страны. Философско-исторические размышления о роли проведенных преобразований и о влиянии личности правителя на них выразились в знаменитом споре западников и славянофилов. И, если первые считали Петра «богатырем, одним личным усилием впервые двинувшим громадную страну на путь совершенствования» [6], то вторые «в этой реформе думали видеть главный, чуть не единственный источник прискорбных явлений настоящего» [4, с. 320]. Так или иначе, но образованная часть населения пореформенной России было отвергнуто положение об исключительной роли Петра Великого в прошедших преобразованиях. «Реформа, — писал Милоков, — напротив, была только последним результатом начинаний, восходивших далеко раньше — в XVII и даже XVI вв.; что она была только энергичным выполнением того, что задумывалось прежде... и таким образом источником ее был не произвол единичного лица, а, напротив, давно созревшая, хотя многими из современников непонятая, национальная потребность» [7]. Этот факт, однако, не умалял того великого общественного впечатления, которое производила личность императора на его потомков, но он по-иному расставлял акценты, выдвигая на первое место не саму личность реформатора, а необходимость и закономерность проведенных им преобразований.

Актуальным для авторов «толстых журналов» оставался вопрос оправданности жестоких расправ царя со своими противниками и собственным сыном. Нескончаемые потоки крови, которыми Петр I пытался заглушить голоса недовольных, привели к твердому убеждению его современников, что «Антихрист именно явился в образе Петра» [4, с. 319]. Появившиеся «обстоятельные и правдивые» рассказы о невинных жертвах петровского времени, по словам Пыпина, «бросили на XVIII век такую мрачную тень, которая естественно стала заслонять самую традиционную славу Петра Великого» [4, с. 324]. Колебания между осуждением мрачных сторон царствования Петра I и необходимостью признать «великую роль деяний Петра» привели к пониманию того, что «все темные стороны характера Петра, конечно, легко извинить чертами века» [8]. Спустя два столетия бедствия стали забываться, а секуляризация общественного сознания привела к постепенному отмиранию мифа о «царе-Антихристе».

Сворачивание либеральных реформ, неоднозначность их результатов, возникшие социально-экономические противоречия, переход к контрреформам и рост революционного движения в стране заставил критически мыслящую интеллигенцию пересмотреть свои взгляды на правление Петра I. И если в начале 60-х г. XIX в. русские интеллектуалы, критикуя петровские преобразования и осуждая их жестокость, пытались предостеречь власть от повторения подобных ошибок, то в конце XIX в., когда очевидной стала неспособность современной власти к реформированию, деятельный образ Петра приобрел романтический ореол героя российской истории. «Живой и светлый образ того, который не щадил себя для возвеличивания России, которого вся жизнь была посвящена ей на служение» [9] ставился в пример его нерадивым потомкам.

Подводя итог, хочется отметить, что образ Петра Великого был смысловым центром исторического сознания русских интеллектуалов второй половины XIX — начала XX вв. Петровская эпоха поднимала вопросы одинаково важные для века XVIII и века XIX. Изменения в общественно-политической ситуации привели к переменам в восприятии Петра I и его реформ. Причем маятник общественного мнения прошел путь от осуждения жестокости и бесцельности проведенных реформ до признания исторической необходимости деяний царя-реформатора. Сотрудники русских журналов, вне зависимости от программных заявлений изданий, в которых они публиковали свои работы, создавали положительный, деятельный образ Петра. В итоге для большинства образованного общества России пореформенного периода Петр стал героем-созидателем, ведь усомниться в значимости его реформ значило бы усомниться в основополагающих ценностях эпохи реформ — прогрессе, просвещении и светской культуре.

Однако в любом случае Петр предстал уникальной фигурой российской истории. В массовом сознании XIX в. он был героем — выдающейся личностью, преданной своему отечеству, заслуги которой признаны национальным сообществом. Вступив в коллективную память, Петр Великий трансформировался в символ, понятие, образ, которые мало чем были связаны с реальным историческим лицом и зависели от оценки его деятельности современниками и сложившихся стереотипов.

Библиографический список

1. Леонтьева, О. Б. Историческая память и образы прошлого в культуре пореформенной России / О. Б. Леонтьева // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. — М., 2008. — С. 663.
2. Мохначева, М. П. Журналистика и историческая наука В 2 кн. Кн. 1. / М. П. Мохначева. — М., 1998. — С. 254–257.
3. Программа «Вестника Европы» // Вестник Европы. — 1866. — Т. 1. — С. 6.
4. Пыпин, А. Н. Новый вопрос о Петре Великом / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. — 1886. — Т. 3. Кн. 5. — С. 317–350.
5. Леонтьева, О. Б. «Гений — палач»: Петр Великий / О. Б. Леонтьева // Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX вв. — Самара, 2011. — С. 234–285.
6. Кизеветтер, Ал. Реформа Петра Великого в сознании русского общества / Ал. Кизеветтер // Русское богатство. — 1896. — № 10. — С. 22.
7. Милоков, П. Н. Российское хозяйство в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П. Н. Милоков // Вестник Европы. — 1892. — № 8. — С. 865.

8. Пыпин, А. Н. Рассказы иностранца о Петре Великом. Записки Юста Юлия — датского посланника при русском дворе (1709—1711) / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. — 1893. — Кн. 3. — С. 257.

9. Об издании в свет полного собрания сочинения писем и рукописей Петра Великого // Русский архив. — 1873. — Кн. 1. — С. CLVI.

ТАПЕХИНА Ольга Александровна, аспирантка кафедры отечественной истории, старший лаборант кафедры всеобщей истории.

Адрес для переписки: tapehina@list.ru

Статья поступила в редакцию 31.01.2012 г.

© О. А. Тапехина

УДК 94 (470) : 796.062.4 (571.13):
«1941/1945»

В. Х. ШАЙДУЛЛИН

Омский государственный
технический университет

СПОРТИВНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Данная статья посвящена соревновательной деятельности в Омской области в годы Великой Отечественной войны. Выделены основные направления данной деятельности. Показана динамика количества спортивных мероприятий в городе Омске и области.

Ключевые слова: Омская область, спортивные соревнования, Великая Отечественная война.

В современной историографии большое внимание уделяется изучению истории повседневности, в том числе и в военные годы. Одним из малоисследованных аспектов является история физкультуры и спорта в Омской области.

В начале войны, после того как стало известно о нападении Германии на СССР, тысячи добровольцев из числа физкультурников и спортсменов пришли в военкоматы с просьбой отправить их на фронт. Такая ситуация, когда многие квалифицированные спортивные кадры ушли на войну, создаст впоследствии острую нехватку в преподавателях и инструкторах, что негативно скажется на физкультурно-спортивной сфере в военные годы.

Нужно отметить тот факт, что в начале войны был сделан особый упор на подготовку кадров для Красной Армии, поэтому спортивная деятельность была сильно подорвана, однако полностью не остановилась: в Омской области проводились спортивные соревнования, турниры, спартакиады, но их программное содержание сильно изменилось. Если до войны основная часть программы соревнований состояла из классических видов спорта (спринт на беговой дорожке, прыжки в длину, метания диска и т.д.), то с началом войны на первое место вышли военно-прикладные виды (бег по естественной местности, метание гранат, как одинарных, так и в связке, как на дальность, так и по цели, переползание попластунски, штыковой бой и т.д.). Все это делалось как с целью пропаганды военно-прикладных видов спорта, так и для подготовки резервов для Красной Армии и проверки их действительной готовности защищать с оружием в руках родную землю от немецко-фашистских захватчиков.

Во время войны спортивно-зрелищный аспект спорта отошел на второй план, самыми главными стали функции эмоциональной разрядки населения от проводимых соревнований, что было связано с возросшей физической и психо-эмоциональной нагрузкой. Важную роль играла также нравственная

функция, которая состояла в том, что в процессе соревновательной деятельности проявлялись различные нравственные качества соревнующихся, а также происходила общественная оценка определенных социально значимых нравственных норм — это воля к победе, стойкость, решительность, то есть все то, что позволило одержать победу в войне. Спорт давал людям уверенность в своих силах. Чего стоит пример футбольного матча, состоявшегося в блокированном гитлеровцами Ленинграде 31 мая 1942 г. В нём встречались местное «Динамо» и сборная Ленинградского металлического завода. Как отмечается в хронике, репортаж об этом матче транслировался прямо на передовую, и немцы были шокированы тем, что голодающие жители осаждённого города могли играть в футбол [1]. Ну а советским бойцам это известие прибавило силы духа.

В 1941 — 1942 гг. количество спортивных соревнований в Омской области было незначительным, что связано было с трудностями начального периода войны. Омск стал одним из центров эвакуации промышленных предприятий и их коллективов, госпиталей и детских домов, а это, в свою очередь, потребовало от населения региона огромных сил и средств для того, чтобы принять эвакуированных. К тому же остро стоял вопрос с размещением прибывших в Омск людей, помещений для их квартирования не хватало, и многие спортивные сооружения были отданы под общежития и оборудование. Например, в лучшем зале города, который принадлежал Омскому мединституту, находилось оборудование эвакуированного Ленинградского медицинского института.

По мере решения вышеуказанных проблем спортивная работа в области начиная с 1943 г. начала оживать, что видно из следующих цифр: всего в Омской области в этом году было проведено спортивных соревнований — 1682, в которых приняли участие 105467 человек (данные с учетом массовых зимних, летних кроссов и различных массовых

заочных соревнований) [2]. Количество спортивных мероприятий, по сравнению с 1942 г., увеличилось в полтора раза, а охват ими — в два раза. Причиной этому служит еще и тот факт, что с середины 1942 г. с фронта стали отзывать наиболее ценные спортивные кадры, которые по возвращении активно включились как в подготовку новых резервов и спортсменов, так и в организацию и подъем спортивных соревнований. В 1943 г. был проведен ряд областных соревнований: легкоатлетические соревнования взрослых (102 человека), легкоатлетические соревнования учащихся (220 человек), футбол — «Кубок области» (180 человек), баскетбол (60 человек), спартакиада северных округов (78 человек), заочные соревнования вузов по лыжам (172 человека). Также за 1943 г. было подготовлено 1078 спортсменов-разрядников (данные не по всем районам области, т.к. не все предоставили списки) [3]. Больше всего разрядов было получено по лыжам (617, из них I разряд — 58) и стрельбе (262, из них I разряд — 6).

Наиболее распространенными видами спорта стали лыжный, рукопашный бой, футбол и легкая атлетика.

Показателем развития соревновательной деятельности является то, что в 1943–1944 гг. спортсмены области чувствовали в ряде соревнований всесоюзного значения. Летом 1943 г. была проведена спартакиада Сибири, коллектив области занял общее 3-е место. А вот футбольная команда, в этой же спартакиаде заняла 1-е место, в ее составе выделился знаменитый в будущем советский спортсмен, а потом и тренер, Всеволод Бобров. Стоит заметить, что, несмотря на все трудности военного времени, спорт, и особенно футбол, занимал видное место в жизни омичей. В дни футбольных игр на стадион приходило до шести тысяч болельщиков. Необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что деньги от билетов шли в фонд помощи детям-сиротам, эвакуированным в Омскую область из Сталинграда и Ленинграда. Регулярно проводились соревнования на первенство города Омска, приз «Омской правды», «Кубок области». Ввиду огромного притока эвакуированных граждан, в новых заводских командах оказалось немало опытных футболистов, ранее игравших за первенство республик Союза [4]. В этом же 1943 г. на межобластных соревнованиях по гимнастике коллектив юношей занял 3-е место.

В 1944 г. продолжилось расширение спортивной деятельности. Стали в большем количестве проводиться соревнования общесибирского и союзного масштаба. Зимой 1944 г. лыжники Омской области на спартакиаде Сибири заняли 5-е место из девяти областей. Параллельно проходило зимнее первенство

СССР по лыжам среди учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, результат — 9-е место из 26. Уже летом 1944 г. была проведена Спартакиада Сибири, в которой коллектив Омской области занял 3-е место из шести. Особенно хорошо тогда выступили по футболу и гимнастике, добившись 2-го места [5].

В 1945 г. спортивная работа, по сравнению с предыдущими годами, в области значительно улучшилась, увеличилось количество занимающихся в секциях, проводимых соревнований и участников в них. В период подготовки к всесоюзным соревнованиям проводились учебно-тренировочные сборы сборных команд области. Всего в области (в новом делении) [6] проведено спортивных игр, соревнований за 1945 г. — 1115, с количеством в 98372 человека [7]. Самыми массовыми мероприятиями стали лыжный и летний профсоюзно-комсомольские кроссы.

Из соревнований, которые проводились в рамках области, следует отметить: массовые заочные соревнования колхозной молодежи по лыжам (учувствовало 46424 колхозника); первенство области по лыжам (участвовало: взрослых — 102, учащихся — 163 человека); «Кубок области» по футболу (участвовало — 122 человека); первенство области по гимнастике (участвовало 48 чел.). Примечательно, что в городе Омске был проведен полуфинал первенства СССР по шахматам, в котором от Омска выступили четыре человека.

Динамика количественных данных по городу Омску за годы войны отражена в табл. 1. Всего было проведено в городе Омске спортивных соревнований по всем видам спорта за годы войны — 96, с количеством участников — 5748 чел. В эти данные не входили массовые профсоюзно-комсомольские кроссы и соревнования [8].

Война показала важность работы по развитию физкультуры и спорта для подготовки полноценного бойца и труженика тыла. Не случайно, что лучшие представители Омского спорта оказались на фронте удостоенными высоких правительственных наград, многие спортсмены города и области награждены медалями и орденами СССР: инструктор физкультуры Г. Парамонов (Омск, «Спартак») — двумя орденами Красной Звезды; яхтсмен К. Билль (Омск, «Медик») — орденом Красной Звезды; футболист Г. Князев (Омск, «Динамо») — медалью «За боевые заслуги» [9]. А один из лучших спортсменов, в прошлом руководитель физкультурного движения в Омске, Николай Бударин, гвардии подполковник, за героические дела при форсировании Днепра удостоен звания Героя Советского Союза. В целях увековечения его памяти был учрежден переходящий приз

Таблица 1
Количество проведенных общественных спортивных мероприятий по основным видам спорта и количество участвовавших в них по городу Омску

Годы	Наименование видов спорта, по которым проводились мероприятия									
	Лыжи		Легкая атлетика		Футбол		Ручные игры		Др. виды спорта	
	Кол-во	Охват	Кол-во	Охват	Кол-во	Охват	Кол-во	Охват	Кол-во	Охват
1941	—	—	4	435	2	120	—	—	—	—
1942	2	117	2	130	2	135	—	—	—	—
1943	5	691	7	295	8	495	5	541	9	159
1944	10	1042	12	773	8	620	7	190	13	325
За 4 года	17	1830	25	1633	20	1370	12	431	22	484

за лучшие результаты в лыжном спорте — имени Николая Бударина.

Следует отметить и других омских спортсменов, сражавшихся за Родину: М. Сосина, первая спортсменка Омской области, которой было присвоено звание мастера спорта; футболист В. Ветохин; легкоатлет А. Иноземцев; десятиборец Г. Парамонов; конькобежец и велосипедист П. Поляков; футболист О. Юдин; знаменитый омский конькобежец Ю. Головченко и многие другие, чье мужество и отвага помогли приблизить долгожданную победу. Многие из них погибли в боях, некоторые вернулись домой и продолжили свою спортивную карьеру.

От физкультурников-фронтовиков, показывающих образцы доблести и героизма на фронте, не отставали и физкультурники — труженики тыла. Лучшая часть из них отмечена правительственными наградами. За успешную работу по выпуску боевой продукции награждены медалями известные спортсмены предприятия города Омска: В. Лобанов, А. Константинов (завод № 20), И. Железняк, С. Мельниченко (завод № 29) и др. Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешную работу по подготовке офицерских кадров для Красной Армии награждены орденами чемпион города по лыжам А. Дьяченко и известный вратарь футболист И. Улановский. Ряд спортсменов имели значки отличников производства, например, баскетболистка Т. Грузина [10].

В заключение стоит отметить, что во время Великой Отечественной войны в истории спорта Омской области можно выделить два этапа. Первый, это сокращение количества проводимых спортивных мероприятий в 1941 — 1942 гг. из-за трудностей перехода быта на военный лад и в связи с проблемами эвакуации, которые были неизбежны в начале войны. Второй этап, 1943 — 1945 гг., характеризуется ростом и повышением качества проводимых соревнований в Омской области. Во время войны, благодаря эвакуации, Омская область получила мощный импульс к развитию в различных сферах общественной жизни, в том числе и в спорте. Количество спортивных меро-

приятий с каждым годом росло. Под конец войны возобновляются соревнования по таким видам спорта, как конькобежный и хоккей. В основном это стало возможным благодаря успехам на фронте, не стало больше сомнений в скором разгроме врага, отсюда, как следствие, спала напряженность в обществе, и люди стали с большей охотой и удовольствием принимать участие в спортивной жизни. Спорт давал уверенность в завтрашнем дне, увеличивал силы народа для победы над врагом.

Библиографический список

1. Футбол в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.championat.com/football/article-10443.html> (дата обращения: 18.03.2012).
2. ГИАОО. Ф. Р-2161. Оп. 1. Д. 91. Л. 103.
3. ГИАОО. Ф. Р-2161. Оп. 1. Д. 91. Л. 105.
4. Сокуров, В. Е. От «Якоря» до «Иртыша» / В. Е. Сокуров. — Омск : Югон, 2010. — 242 с.
5. ГИАОО. Ф. Р-2161. Оп. 1. Д. 97. Л. 22.
6. Омская губерния. Историческая справка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.omskportal.ru/ru/government/generalInfo/Symbols1/hystory.html> (дата обращения: 18.03.2012).
7. ГИАОО. Ф. Р-2161. Оп. 1. Д. 102. Л. 16.
8. ГИАОО. Ф. Р-2161. Оп. 1. Д. 360. Л. 10.
9. ГИАОО. Ф. Р-2161. Оп. 1. Д. 360. Л. 11.
10. Фоттелер, А. В. Спортивный Омск в годы Великой Отечественной войны / А. В. Фоттелер, М. Д. Лагутина // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма в Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. — Омск, 2005. — С. 30 — 32.

ШАЙДУЛЛИН Виктор Хамитович, аспирант кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: shaydullinVX@gmail.com

Статья поступила в редакцию 23.03.2012 г.

© В. Х. Шайдуллин

Книжная полка

Россия — 2020: Сценарии развития / Томас Грэм [и др.] ; под ред. Марии Липман, Николая Петрова ; Моск. центр Карнеги. — М. : РОССПЭН, 2012. — 587 с. — ISBN 978-5-8243-1675-9.

Книга представляет собой уникальный пример комплексного многомерного анализа перспектив развития страны на десятилетнюю перспективу, выполненного международной командой авторитетных исследователей. Среди рассматриваемых сюжетов: «Россия в мире», «Политэкономия и экономика», «Политическая система, партии», «Государство, политические элиты», «Федерализм, регионы», «Общественные процессы и гражданское общество». Используется разнообразие подходов раскрытия темы: каждый сюжет раскрывается двумя независимыми исследователями.

Неживых, Н. А. Религиозный нэп. Государственно-церковные отношения в 1920-е гг. (на материалах Зап. Сибири) : моногр. / Н. А. Неживых ; ОмГТУ. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2012. — 157 с. — ISBN 978-5-8149-1413-2.

На основании разнопланового материала показано развитие государственной политики по отношению к православной церкви во время нэпа. На основе анализа форм и методов осуществления религиозной политики выявлена обусловленность государственно-церковных отношений внутренними и внешними политическими, экономическими и социальными факторами, дана периодизация антирелигиозной деятельности органов власти, раскрыта региональная специфика. Наряду с уже известными фактами, освещающими деятельность партийно-государственного руководства, много внимания уделено новым, полученным из региональных архивов и местной периодической печати. Адресована широкому кругу читателей, в том числе преподавателям и студентам гуманитарных специальностей.